

А. Гасанов
240

Примерно двести сорок с чем-то рассказов.
Часть 1

ИСТОРИИ
О ЖИЗНИ,
ПРО ЖИЗНЬ
И ЗА ЖИЗНЬ.

аликгасанов.рф

А. Гасанов

240. Примерно двести сорок с чем-то рассказов. Часть 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24051333

ISBN 9785448516900

Аннотация

В книге собраны наиболее интересные истории из более десятка сборников рассказов. Неплохое чтение в пути, в поезде или дома. Спасибо.

Содержание

Клупкино путешествие	5
Отож бо и воно!..	9
Абраша	12
Кем быть?	18
Аджика	21
Верба на Кубани	25
Анжела	35
Акция	38
В садике	50
Анзорчик	55
Мамульчик	63
Конец ознакомительного фрагмента.	96

240

**Примерно двести сорок с
чем-то рассказов. Часть 1**

А. Гасанов

© А. Гасанов, 2017

ISBN 978-5-4485-1690-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Клупкино путешествие

...Маленькая сухонькая бабушка Таня бесшумно вставала утречком, пока все спят.

А в деревне это значит часов в пять утра. Набрасывала бабушка на плечи огромный свой платок поверх рубахи, совала ноги в валеночные битые тапки, и, косясь на внучку Вальку, по стеночке, чтобы не скрипеть половицей, выходила из сеней к печке, оглядывалась, не смотрит ли кто, доставала из потайной полочки в стене небольшую иконку, и выходила во двор, а там к сараю.

Всё это наблюдая через прищур глаз, и, фальшиво сопя носом, будто спит, десятилетняя Валька (моя будущая мама) также бесшумно поднималась, на цыпочках кралась за бабкой, словно таракан высовывая из-за угла сначала один глаз, потом оба. Пробежав резво по стылому двору, девочка ловко забиралась на чердак по приставленной лестнице, и осторожно разгребала рыхлое сено, ложилась на пузо, добираясь до щели потолка, тарасила туда глаз, удобно приготавливаясь «мешать бабушке в бога верить».

Валя пионерка, и они всем отрядом (а отряд у них называется «Красные дьяволята») активно борются с этим пережитком, каждый день отчитываясь в школе о своих успехах.

Пристроив иконку на уступочек, бабушка Таня вздыхает, расправляет седые волосы, подвязывая платочек, и настраи-

вается скорбно:

- Отче наш... – шепчет она, глядя в закопчённый лик.
- ... – Ёжик на небеси, – в ритм ей бубнит сверху внучка.
- ... – Да святится име твое, да придет слава твоя...

А Валька упрямо вставляет в слова молитвы свои варианты, стараясь бабушку рассмешить или сбить с толку:

– Во имя овса и сена, и свиного уха!..., – бубнит она в такт бабушке, и бабушка наконец сбивается:

– Валька!..., – грозит она кулачком в потолок, и у бабушки не получается разозлиться, – Выдеру я тебе сегодня!.. Лозинной-то!.. Ох, выдеру тебе!..

А Вальки уже и след простыл. Дело сделано. Молитва сорвана. Только лестница дергается у стены.

– А догони!, – кричит внучка весело уже где-то возле хаты. А ты и пробовать не берись. Валька бегает, шо антилопа. Попа на велосипеде кто догнал? Валька Скорбина! Всем отрядом они закреплены за Северо-Кубанским приходом, а там ещё целых три церкви осталось. Работы уйма. Вот и носятся «Красные дьяволята» то попу дули крутить и подвывать во время службы, то крестный ход срывать. Это самое любимое. Во время того, как батюшка в ризах выходит с песнопениями и ликами святых обойти храм, «Красные дьяволята», вымазанные сажей, с воткнутыми в волосы или шапки веточками-рожками, устраивают вокруг этого буйную пляску с балалайкой и обидными частушками. Поп косится боязливо, вышагивает нерешительно, старает-

ся не сбиться, но знает наверняка – если не собьётся в пении, то когда комьями грязи забросают, обязательно не выдержит, святой текст сорвёт на полуслове. Вот и мнётся бабюшка, стоит ли из церкви выходить-то? Может тут, на порожке и допеть, от греха подальше? Тут и увернуться от кочана гнилой капусты сподручнее, и вереница подпевающих стоит сплочённее. Всё как-то полегше...

...А после школы мама моя поступила в медицинский, чем гордилась вся семья. Мама умотала куда-то под Краснодар, и писала теперь письма каждый месяц. И как-то, со стипендии, прислала даже посылочку!

Вся деревня приходила смотреть на такое чудо! Чайничек заварочный, расписанный синими петухами, с золотой крышечкой, а на крышечке красная пипочка колечком, и с дырочкой!.. Ахнула деревня от такой красоты, а бабушка Таня, раскрасневшись от удовольствия, ещё и добивает:

– Дывись, кума...

И... вытаскивает из шкапчика немислимое по тем временам сокровище – два десятка точёных бельевых прищепок со стальными пружинками... Деревня дышать перестала!..

И писала вечером младшая внучка под диктовку бабушки письмо Вале:

... – Спасибо, милая моя Валя, за гостинцы!.. Небось все деньги-то убухала, ангел мой? Не потраться, душа моя! Мы живём хорошо. Отец твой с матерью через месяц обещали быть. Почти, говорят, достроен коровник, и ферма уже сто-

ит. А мы с Зоей и Вадиком живы-здоровы, чего и тебе, радость наша, желаем!.. А на том и кланяюсь я тебе. Храни тебя Господь. Твоя бабушка, Татиана Дмитриевна.

А через минуту и спохватились, аж расстроились, и давай дописывать:

... – А стиральный порошок ты не бери больше. Дрянный порошок-то, Валя. Только бельё изгадили мы с Зоей. Не покупай его, и не шли боле!..

Мама в городе видела диковинку – сухое молоко. И взяла пакетик, послала с посылкой, бабуку с сестрой подивить, а в письме не сказала, что это молоко. А бабушка бельё с ним постирала. Думала – мыло.

...Когда бабушка умерла, на её иконке сначала резали лук, потом иконка стала удобна для колки орехов, а потом куда-то пропала.

Моя мама, став давно уже бабушкой, часто вспоминает, вздыхая, как-бы хорошо было найти её. Именно её, ту маленькую дощечку, так упорно остававшуюся не смотря ни на что всегда в их доме столько много лет.

... – А помнишь, ты спрашивал меня «Кто такой Клушкин?».

И мы смеялись. Передача такая была, хорошая. «Клуб кинопутешественников». Мы всей семьёй её часто смотрели, когда я был совсем ещё маленький...

Отож бо и воно!..

... – Жопен дризцих нохтегалес, – обычно так говорит про такие истории мой напарник Николай Чебан, – Что в переводе с немецкого означает «что вышло сзади – обратно не засунешь!»

Немецкого я не знаю, и поэтому никогда не оспариваю Николая. Чем он и злоупотребляет, как мне кажется.

Это примерно так же бесспорно, как и в той истории, когда однажды моя родная мамочка подняла всю нашу семью ночью, ровно без пятнадцати четыре. Будильник был у моей мамы любимый. Квадратный, на батарееках. Мама всегда его ставила прямо возле своей подушки. А ночью будильник упал на бок, и моя мама, посмотрев спросонья на циферблат, была совершенно уверена, что уже «без минуты семь». Разбудив моего папаню и меня с сестрами, мамочка приготовила завтрак, бойко покрикивая на дверь ванной:

– Липка! Давай вылазь уже!.. В школу опоздаешь!..

И мы всей семьёй, умывшись и почистив зубы, нагладив пионерские галстуки, жевали бутерброды, спешно запивая горячим чаем, пока мой папаня, торопливо выбритый и полностью одетый, не глянул зачем-то в окно.

– Валь, а скока сейчас..., – отец осёкся, вглядываясь в крошечную темноту.

Просмотрев все часы в доме, мы нервно посмеялись,

не зная, чё теперь делать. И мамочка взяла всё в свои руки:
– Так!.. Давай, быстро-быстро!.. Все ложимся спать!.. Давай-давай!.. Алик!.. Раздевайтесь и укладывайтесь!.. Чё сидишь?.. Давай-давай!..

И мы все разделись без особого энтузиазма и легли спать. Нервно посмеиваясь.

А вы сами попробуйте как-нибудь. Встаньте в четыре часа ночи. Включите везде свет. Умойтесь, почистите зубы, позавтракайте. А потом разденьтесь, выключите свет, и ложитесь спать!.. Хорошо, что отец не вспомнил про болгарку!.. Он утром хотел чё-то там срезать под ванной перед работой...

Усни тут теперь, бляха-муха!..

И лежал я, помню, ковыряя в носу, и размышлял:

...Я вот заметил, что много значений в русском языке заимствовано (или просто переименовано) от названий национальной принадлежности женщин. Странное это дело, и я стал разглагольствовать, и собрал их к семи часам целую лекцию. Ну, например, мы говорим «болгарка», и никому даже в голову не придёт, что это совсем не женщина из Болгарии, а такой вот зловещий визжащий электроприбор. Хотя, подобные аналогии, конечно же, можно допустить к даме практически любой национальности. Мало кто задумается, а между прочим:

- ногайка – это короткая плеть, а не ногайская женщина.
- лезгинка – это танец, а не девушка из Дербента.

- испанка – болезнь такая нехорошая, а «испанская мушка» – фальшивая родинка...
 - русская – это вообще водка! И именно в 40%.
 - литовка – ружьё, причём бельгийское! И ещё коса, оказывается.
 - американка – игра на бильярде.
 - вьетнамка – летняя обувь. Как и чешка, кстати – обувка для танца в помещении.
 - панамка – головной убор, а не жительница Панамы.
 - молдованка – улица такая знаменитая в Одессе.
 - полька – тоже танец.
 - венгерка – гусарская короткая курточка.
 - а гречка вообще тут ни причём. В Греции гречанки.
- И корейку (свиную грудинку) не впутывайте сюда тоже. В Корее у нас корейки живут обычно...
- шведка – спортивная деревянная лестница.
 - кубинка – боксёрская груша (бело-чёрно-белая, три полосы), а канадка – причёска боксёра, а не мадам из Канады.
 - финка – складной нож.
 - шотландка – юбка в крупную клетку.
- Хотел напоследок сюда приплести ещё и «землянку» – жительницу Земли вообще, но не буду.
- А то землянки обидятся сейчас. Ибо, как говорит Коля, жопен дризцих!.. И с ним не поспоришь.

Абраша

... – От же ж, сука какая!.. От же ж, с-сука!..

О порог торопливо оббили онучи, тут же в стену что-то шмякнули, звякнула длинная железка засова, и в проём, поднимая задубевшую дерюгу, сквозь облако пара, выдохнул, искря снежинками, шумно ввалился огромный Сенечка, волоча за шиворот жалкое щуплое существо. С силой швырнув на пол приведённого, Сенечка хлопает себя рукавицами по бокам, стряхивая снег в предбаннике, ругаясь с таким видом, будто он уже сколько раз предупреждал, а его не слушали, и вот – на тебе!.. Опять!..

– Дывись, Яков Алексаныч!.. Эта сука опять по шконорям шарит!.. От же ж, сука какая!.. Мало ему тот раз накасмыряли!.. В кандейку я счас сунулся, смотрю – шо такое?.. А эта паскуда..., – повернувшись, Сенечка чуть приоткрыл обледеневшую дверь сарая и зло кричит во двор, зовёт товарища, – Калюга!.. Э!.. Калюга!.. Де ты там, сучий потрох?.. Нук, иди сюды!..

В сарае жарко натоплено, но темно и душно. Замызганная печь чадит копотью, гудит и щёлкает, пузыря лёд на торчащих из неё дровах. На чёрных стенах, накинутое на вбитые между брёвен крючья, висит тряпьё. Тут же насажены валенки, пучки хвороста и мешки. Сбоку печки, на высокой наре, усланной тугим тюфяком, поджав ноги, сидит бригадир

Яков Александрович и здоровяк Паша Дуролом.

– От же ж, сука!.., – не успокаивается Сенечка, принаравливаясь пнуть лежачего на полу зэка, и тот, замёрзший до костей, кутаясь в тряпье, поджимает колени к животу, и вдруг, подавившись всхлипом, натужно кашляет, словно лает, выворачиваясь от судороги, подвывая и задыхаясь.

Паша горько вздыхает и нехотя спускается с нары, вдевая ноги в сапоги, обрезанные на манер ботинка:

– Абраша?.. Ты что ль?.. Милый...

Брезгливо наклоняясь, он смотрит на лежащего на полу и говорит ласково, почти с сожалением:

– А?.. Абраш?.. Ты что ль, касатик?.. Опять, что ль?..

Лежащий заходится кашлем, корчась и задыхаясь. Кашлять ему не удобно и он вытягивает ноги, со свистом набирая воздуха, вздувая жилы. Пользуясь тем, что тот убрал колени от живота, Паша легонько пинает его под дых:

– Абраш?.. Чё молчишь-то?.. Отец родной!..

Несчастный кашляет чудовищно, навзрыд. Громко лает в воздух, слабо ворочаясь и дрожа. Давясь мучительно и колюче, он выбрасывает вместе с кашлем что жалобно и нечленораздельно, с минуту ещё корчит костлявое тело и постепенно успокаивается, выдыхая громко и пуская слюну.

Паша сплёвывает в сердцах и опять лезет на нару.

Бригадир смотрит на это без интереса, и почти остывший Сенечка со вздохом садится на корточки:

– Оклемался, рожа?.. Чё zenки пялишь?..

Спокойствие бригадира Сенечку оскорбляет и на правах потерпевшего, он горячо жалуется:

– Никакого сладу с этой сукой, Яков Алексаныч!.. Никакого!.. Вот такой мой сказ!.. Никакого сладу!.. Или я или кто другой порешит эту крысу!.. А вам потом хлопоты с начальством!.. Так что решайте, Яков Алексаныч!... А то... Никакого терпения!..

Сделав праведное дело, Сенечка злобно пинает лежачего в спину: «у... сука!». Тот тонко вскрикивает «Ай!», и опять прижимает коленки к груди. Уставившись в точку неподвижно слезящим мокрым лицом, он не мигая смотрит в пламя печи и трясётся по-собачьи, успокаиваясь и согреваясь. Привыкший к побоям, он хочет только одного – подольше находиться тут, в двух метрах от огня. Пламя освещает костлявое чумазое лицо, синее ухо с запёкшейся кровью. Глаза неподвижны. Кашель сладко отступил и дышать можно спокойно, жадно и тепло...

... – И куда мне его?, – бригадир хмуро склонил голову, с неохотой спуская ноги на пол, – Шо вы его туркаете все? И с котельной его турнули, и с бригады... Думал, хоть в деланках пригреете... Чё он спёр-то?..

– ... Жратву ворует, сука!, – кричит Сенечка, с ненавистью накидываясь, – У Якимова сухари сожрал!.. У меня тырит, паскуда, хоть караул кричи!.. Я что – кормить его, паскуду, обязан?.. Доходяга не рабочая, голь перекатная!.. Что не угляди – то тут, то там озорует, сволота!..

Не обращая внимания на слабое сопротивление лежачего, Сенечка с чувством шарит у него за пазухой, вычёрпывая грязное тряпьё вперемешку с несколькими сухарями, крошечными гнилыми картофелинами:

– Во – смотри!..., – вываливая на пол, одной рукой он придерживает лежачего, как свинью перед забоем, – И вот!.. И вот тоже... Смотри!..., – Сенечка потряс тряпицей и из неё высыпались клубком грязные и скользкие картофельные очистки, – Это он, сука опять на помойке наколупал. И вот тоже!.. – откинул рядом несколько обсосанных сухарей, – Эти – точно мои!.. Ну – ни падла, а?!.. Яков Алексаныч?!..

Видя, что разбирательство неизбежно, бригадир кряхтит, наклоняясь с печному поддувалу, осторожно заглядывает, хмурясь на сладкий ад внутри:

– И куды ж мне его?.. Нешта сами не можете решить-то, Сенечка?..

Тот опять взрывается праведным гневом:

– А я знаю?!.. Я знаю?!.. «Куды»?.. Почти неделю, падлюка на помойке жил, думали загниётся на морозе!.. Пожалели, суку такую!.. А он смотри опять!..

... – В столовой его Кеша турнул, – сидя на наре, Паша зеваает, подпихивает под себя ладони и скрещивает ноги, – он, говорят, у Кеши тоже «угостился». Почти буханку увёл, вот тот и наказал ему в столовую нос не казать... А кто ему вынесет-то?.. Никто ему не вынесет... Да, Абраша?, – через плечо Паша ласково смотрит на лежащего, усмехается весе-

ло, – Никто бедному Абраше не вынесет?.. Никто... А?.. Абраш... Голодает Абраша-то...

Тот совершенно разомлел, растаял и дымит испарением в тепле, парит жалким своим тряпьём, опьянённый и мокрый, не сводя взгляда с пламени, осоловело вздрагивая мокрыми глазами...

– Ты это..., – Яков Александрович медленно встаёт, потягивая спину, – Тащи его, Сеня, к «заготовке»... Пусть Никоноров там присмотрит, куда его... Пока пусть на дворе там... Поработает... Что ли.

Сенечка опять порывается орать, но видя хмурый взгляд «бугра», тяжело вздыхает, молчит, надевая рукавицы, сурово соображая. Грубо закинув всё «изъятое» обратно тому за пазуху, Сенечка легко поднял за шиворот растрёпанного доходягу, и хмуро бурчит, зло и торопливо готовясь к дороге:

– А и то правда... Брошу, суку такую, на «заготовке»... Хай там... Работает... Там помойка большая... Сытная...

...С сердцем встряхнув ненавистную ношу, Сенечка, озабоченный навалившейся напастью, шумно выходит, пихая под зад перед собой «Абрашу»:

– Ей-богу, так и передам!.. Мол, Яков Алесаныч велели пристроить паскуду!.. Хай там и сдохнет, сука такая...

Выйдя во двор он опять кричит:

– Калюга!..

...В сторожке некоторое время было светлее. Влажная жижа, натёкшая там, где только что лежал Осип Мандель-

штам, отражала языки пламени, и его отблески слабо качались на закопчённом потолке и стенах. Постепенно лужа высохла и на грязном полу осталась только прилипшая картофельная кожура...

Кем быть?

Было это давно.

Нет, динозавров уже не было, точно помню. А ходил я в детский садик. И нам в садике воспитательница как-то говорит:

– А теперь, дети, давайте помечтаем? Садитесь сейчас все за столики, и внимательно меня послушайте. Хорошо?

...Мы расселись и устали на неё.

– Давайте сейчас представим, что вы все уже выросли, и стали дядями и тётями, и теперь обязательно будете кем-нибудь работать. Правильно ведь? Представьте. И вот пускай каждый из вас возьмёт сейчас в ручку карандаш, и нарисует себя уже взрослым. Ладно? Только чтобы по рисунку сразу было понятно – кто вы по профессии? Кем работаете? Хорошо? Всем понятно? Рисуйте. Несколько дурацких вопросов, типа «а как рисовать уши?», и вот закипела уже работа. Карандаши слюнявим, у друг-друга «списываем». Кто-то советуется втихоря, кто-то повторяет за кем-то, а кто-то ладошкой прикрывает, не показывает.

И я тоже взялся за дело...

...А вечером мама забирала меня. Обычно самым последним. Не знаю почему, но в группе оставалось всегда нас двое-трое последних, а ещё чаще я самый последний один. В углу, как правило.

И вот воспитательница в дверях стоит, и с мамой моей беседует о чём-то. А я с сандалиями вожусь.

– Алик!.., – мама аккуратно так мне мой рисунок подсовывает, и с опаской спрашивает, – а ты кем быть-то хочешь, сынок?.. Когда вырастишь...

И воспитательница деликатно помалкивает, руки за спину спрятала. Стоят вдвоём бледные.

Я бегло оглядел свой шедевр:

– Трубочистом... Не видишь, что ли?

Женщины прыскают смехом, облегчённо смеются, качая головами...

– Ох, ты ж боже мой... – воспитательница отдувается облегчённо. Только дошло до неё, видителити,..– А я у него и спрашивать при всех побоялась... Вас ждала, представляете?

Дети, говорит, рисовали космонавтов и милиционеров, а я вот отгрохал шикарного трубочиста, полностью чёрного и весёлого, измазанного сажей. Трубочист сидел на крыше дома, и улыбался. Красный рот до ушей.

– А это чего же у него тогда?.., – мама хохочет в голос, закатывая глаза к потолку.

– «Чего-чего»?.., – меня их смех очень раздражает почему-то, – щётка такая. Не понятно, что ли?.. Чем же ему трубу чистить?..

Они ещё посмеялись, и мы ушли.

И потом выяснилось, что воспитательница весь день счи-

тала, что Гасанов Алик когда вырастит, мечтает стать чёртом с хвостом...

...Лет десять эту историю моя мама рассказывала за каждым застольем, при каждом удобном случае. И меня опять это раздражало почему-то немного.

Непонятливые люди...

Аджика

...В Пензенский детский дом восьмилетняя Куралай поступила два года назад.

...Бабушка Алуа вдруг запричитала как-то, и легла «полежать». Через пару часов она затихла и перестала дышать. Куралай несколько часов сидела рядом, смотрела на бабушкин рот, и ждала, когда та смешно выдохнет «охохохо-эх-ха!», откроет глаза, и скажет привычно: «Ну? Как ты, жаным-наным?» Просидев в тишине возле бабушки почти сутки, Куралай постучала к соседям из 47-й квартиры, и через полчаса узнала, что бабушка умерла. В течении всего дня в квартиру без стука и не разуваясь входили незнакомые люди, милиционеры, соседи и очень пьяная тётя Лера из 47-й квартиры, которая неприятно сильно гладила по голове липкой рукой, и слезливо дышала в лицо: «Сир-ротка ты...» Строгая тётя в форме перекрыла краны в ванне и газ на кухне, закрыла дверь на балкон, и вывела Куралай на улицу, прилепив лоскут бумаги со стены на дверь квартиры. Потом Куралай привели на остановку, и эта тётя привезла её в детдом.

... – Шестнадцать лет работаю тут, а такого ребёнка ещё не видела. Представляешь?.. И вроде хорошая девочка, аккуратная, косички всё время сама плетёт, и чистенькая, хоть и чурочка. А всё равно... Вот не лежит душа, хоть убей!.. Не лежит, и всё!..., – Раиса Васильевна поджимает губы: хоть

убей!, – И не плачет никогда, и не жалуется. Другие вон как – воеет с утра до вечера: мама! мама!, а эта – хоть бы что. С бабушкой жила она в последнее время. Она и бабушка её. Мамка нагуляла её, или что, бог их знает. Бабушка померла, а её к нам, значит... Квартирку один «деловой» прибрал удачно. На пустом месте... Повезло человеку. Угу... Ты куда ложишься? Куда ты ложишься-то? Ты смотришь, куда ты ложишься?

– С девяносто третьего по девяносто восьмой, Раиса Васильевна. Вы ж сами сказали?..

– Да ты смотри, куда ложишься! Катя! Ну чего ты тут накидала? Так и я накидать могу. Куда ты съёшь-то?

– Вот карточки девяносто третьего... Я и кладу...

– «Кладу!»... Кладёт она!.. Ты посмотри, какого «девяносто третьего»?! Вот, смотри... И вот. И вот тоже! Где девяносто третий? Ты куда ложишься? И вот тоже!! Мне так не надо! Куда ты ложишься?.. Кладёт она!..

...Через полчаса в медкабинете приём. Раиса Васильевна и бестолковая практикантка Катя принимают «девяносто третьих для прививки».

... – Вот ты смотри сейчас, смотри. Масатова эта зайдёт сейчас сюда опять, и начнёт комедию ломать тут: «Посмотрите, какая я несчастная, люди добрые!.. Хоть мне и хреново, но я такая гордая и смелая. Хоть и сиротка я...». Вот смотри!., – Раиса Васильевна смеётся от души, и Катя вежливо поджимает губки, не понимая, как реагировать, – Представляешь; я ей на днях «хлористый» пять кубов вкальваю

быстро-быстро, специально! Думаю, сейчас завизжит от боли. Нет!.. Молчит. У самой аж губы белые, на ногах еле-еле стоит, а терпит. «Посмотрите, как терплю я, хоть вы и быстро колете мне.» Представляешь? Вот смотри-смотри. Маленькая, а смотри-ко, дрянь какая... Следующий!

Куралай постучала и вошла.

– И зачем ты стучишь опять? Я же говорила тебе уже: если сказано «следующий!», то какой же дурак стучит? Ты по-русски понимаешь? А? Сюда иди. Чего там стоишь?

Раиса Васильевна оглядывается в сердцах на Катю, всем видом показывая: «Нет, представляешь?»

– Сюда подойди. Нет не сюда. Сюда. Ближе. Ещё ближе, бестолочь. Ближе, говорю! Не слышишь, что ли?.. Вот сюда, к столу. Ещё ближе!.. Как фамилия?

Куралай сглатывает, глядя под ноги:

– Куралай Масатова.

– Как?

– Куралай... Масатова.

– Ты громче можешь говорить?.. А? Громче можешь говорить, я спрашиваю?

Раиса Васильевна, сидя, подъезжает на стуле, придвигает лицо к самой голове ребёнка, и, выдержав горькую паузу, неожиданно громко спрашивает:

– А?!..

Куралай вздрагивает и цепенеет, втягивая шею. Катя застыла за столом.

... – Или ты по-русски говорить не научилась?, – Раиса Васильевна смотрит с сожалением, поджав верхнюю губу, – Чё ты молчишь-то? А? Ты чё молчишь-то всё время? А?..

Дальше длится тягостная минутная пауза, после которой Раиса Васильевна с силой отъезжает от Куралай, и качает головой Кате, вздыхая:

– Нет, ну ты видела?

Повернувшись к девочке, Раиса Васильевна опять вздыхает обречённо и горько:

– Иди!.. Иди-иди, чтоб глаза мои тебя не видели. Одно слово – чурка, прости Господи... Следующий!

Куралай выходит, и Раиса пытается сосредоточиться на бумагах:

– Что за ребёнок такой? То ей – не так, это ей не эдак! Представляешь?.. «Аджикой» дети прозвали. А детей ведь не обманешь, Катя. Да! Дети мудрее нас. Аджика – она и есть аджика...

...«Аджикой» Куралай дети прозвали за частый ночной плач у окошка: «Аже, кайда сен?»*

– *«Аже, кайда сен?»** (каз. яз.) – *Бабушка, где ты?*

Верба на Кубани

Памяти деда моего, Скорбина Анатолия Леонтьевича.

...Верба росла на том берегу реки так близко к воде, что в жаркие и спокойные летние дни длинные и тонкие ветки её плавали в тёплой ряби, словно водоросли.

Течением они переплетались и распутывались, нежно полоскались, уходя в мутную глубину и вновь возвращались на солнечную поверхность.

Дерево было похоже на большую бледно-зелёную скирду сена. И если всмотреться внимательно, было видно, что раскинуло оно свои мощные ветви навесом поверх еле заметной скользкой тропки, уходящей в воду. Прямо возле комля удобная небольшая завалинка, просиженная кем-то. Знойный воздух не шелохнётся. Место вокруг тут открытое, всё пашни, да овраги меж них, и птицы редко залетают сюда. Ласточка любопытная расчертит зигзаг над вербой и улетит. Ни чего интересного!

А то бывает, что в летнем обеденном мареве рыба лениво плеснёт по воде и жужжащая мелкота в пыльной траве на миг смолкнет. И лишь камыш прибрежный сонно шелестит в слабом дуновении ветерка, качаясь в воде.

И как бывает часто на Кубани, всё вдруг замрёт задумчиво, словно вспомнив чего-то. Стихнет и прислушается. Небо

ещё жаркое, но мрачнеет на глазах, становится матовым и запах жженого железа чувствуется во рту. Стрижи низко режут небо, тонко вереща: «Приготовьтесь!» Вся живность спешит спрятаться от греха по дальше. И становится неожиданно темно и жутковато. Время-то, день ещё! А темнеет, будто вечер. Где-то заворчало в небе, словно жестяную простынь торопливо вытряхнули и окно захлопнули. Верб темнеет, волнуется. Торопится достирать ветки, а поздно уж. Неожиданно толкает в спину ветерок, растрепав причёску. Начинает крапать немного, и по сухой пыльной дороге вдоль поля босыми ногами пробегает первый дождик. Ветер догоняет его, задирает и толкает в реку. Дождь бьёт большими ледяными каплями по камышу и обиженно расплёскивается в реку. Река покрывается мурашками и вздыхает небольшой волной. А в самом центре горизонта серо-голубое небо трескается белой кривой ниткой и начинает ворчать. И ворчание это, медленно набирая силу и мощь, несётся к тебе навстречу по чёрной пашне. И вдруг взрывается где-то над головой так, что невольно приседаешь! И ещё! Ещё! Ещё!.. По башке!.. И злющий холодный ветер выворачивает вербе руку, пытаюсь повалить. А ледяной дождь бросает в тебя холодную воду пригоршней, заливает глаза. И не сбежать от него! Пашня липкая, тяжёлая. Упадёшь – на ногах по пуду мокрой холодной земли прилипло. Обними вербу, успокой её. Гроза тут – девка грубая, но отходчивая. Её только переждать. Спорить с ней – себе дороже!

Зимой река подо льдом.

Снега столько, что и не видно, где берег, а где поле. Вербя, трясаясь от холода, всякий раз божится уйти полем и остаться между двух холмов, что между станицей Тбилисской и Северено. Но ветки, вмёрзшие в лёд, подруга-река держит крепко и убаюкивает вербу обещаниями. Потерпи, мол... Вот, смотри, и солнце уж на минутку пригрело более обычного и ветер подустал.

Шепчет еле слышно... Как же я без тебя? Потерпи, мол... Скоро весна уж...

Гороскоп

...Чё-то напутали в гороскопе, ей-Богу... Тошяя моя сухость, склонность к одиночеству, привычка прислушиваться в следствии травматической близорукости списанного боксёра... Какая же это я – «свинья», товарищи? Вы когда-нибудь свинью в лицо видели вообще?.. Да разве ж я – свинья?.. Свинья – она же добрая...

...Глубоким вечером я машинально захожу в магазинчик напротив моего дома, перед тем как «окончательно» прийти домой. Привычный ритуал этот скрашивает окончание дня, настраивает на приятный лад. Дочка любит молочный шоколад, пацан мой морепродукты обожает, а если не принесу жене очищенные семечки – вообще, хоть из дома беги!..

Ещё молока купить надо.. Насчёт хлеба не помню... Позволю сейчас...

...Прогуливаясь по ярко освещённому, практически пустому уже (до закрытия – пару минут!) супермаркету, я вдруг отчётливо слышу сзади:

– Ты куда пошло?..

Про свой собачий слух я вам уже рассказывал, не буду повторяться. За дрянное зрение Создатель в насмешку одарил меня каким-то просто животным слухом. Иногда это утомляет. За километр слышу.

И вот мощный мужской голос неприязненно и твёрдо спросил именно вот так – «куда ты пошло?», что меня и насторожило.

С рождения вежливый до застенчивости, я чуть сменил направление, чтобы не так видно было, что я оборачиваюсь, и тут же слышу уже раздражённое и громче:

– Куда ты пошло, я спрашиваю?

Жадное любопытство моё берёт верх, и я оборачиваюсь.

В нескольких метрах от меня стоит Маяковский в молодости!.. Высоченный парень, лет тридцати, широкие плечи, кадык торчит из мощной шеи, руки в карманах, кожаный плащ в пол, шагает так, будто сейчас «вприсядку» пустится. Красавец!.. Повернув голову на 90 градусов, не вынимая рук из брюк, он с отвращением смотрит на испуганную невысокую девушку, держащую за ручку мальчика лет пяти.

... – Я думала... картошку мы.. сначала..., – тихо лепечет

девушка, белая от страха.

– «Думало» оно!, – презрительно перебивает парень, передразнивая, и, не меняя позы, горько сверлит жену глазами, выдерживая желчную паузу, – А ты не думай!.. Оно – «думало»!.. Чем ты там «думало», ё-моё?..

Посверлив ещё секунду, парень взглядом сплёвывает девушке под ноги, и спокойно идёт по рядам, тяжело вздохнув, горько покачивая головой. И она покорно плетётся за ним, и я только что замечаю, что, кроме мальчика, у неё в другой руке санки, которые она несёт, как портфель.

...Привычно безошибочно нахожу лучшее место для наблюдения. Останавливаюсь на торце ряда, спокойно уже рассматриваю их издалека, в деталях. Разговора почти не слышно, но и так всё понятно. Лениво шедший впереди парень неожиданно остановился что-то рассмотреть на верхней полке, и женщина чуть не врезалась в него сзади. Постояв несколько секунд, она склонилась к мальчику, который показал ручкой на что-то с другой стороны стеллажей, и они неслышно вдвоём отошли на пару метров. Не замечая этого, парень не спеша зашагал в обратном направлении, и тут же заметил, что их нет рядом, и всё повторилось в том же порядке:

– Куда ты опять пошло?!.., – теряя терпение, почти кричит парень, не обращая внимания, как редкие покупатели разом оглянулись на его возглас. Всё ещё держа руки в карманах, он чуть склонился к мгновенно подбежавшей девушке.

ке, скривил перед ней искажённое презрением лицо. Девушка зажмурилась и замерла.

Я обалдел... Мгновенно в голове моей пронёсся кем-то заданный вопрос: «Что она такого натворила, за что с ней так вот?..»

Мальчик в туго натянутом капюшоне переминается с ноги на ногу, задрал голову, смотрит вверх коричневыми пуговками... Огромный парень, оттопыривая брюки руками в карманах, застыл в немом вопросе «ты чё?», согнулся над замершей от страха женой... Губы сжимает, смотрит с ненавистью.

Что натворила она?.. Что такого она натворила в своей жизни?... За что её так?..

...Через окно магазина, стоя возле кассы уже, я вижу, как в полумраке мерцающего фонаря огромный парень шагает вдоль тротуара, взмахивая полами плаща, а за ним семенит маленькая фигурка уже с двумя сумками, и тянет ребёнка на санках по мокрому снегу...

...«Кто она по-гороскопу, интересно?..», – опять спрашивают у меня в голове...

Ёжик

...Как-то приходит нам каждому с годами такой момент,

что хочется душевного тепла, общения с кем-то близким и непритязательным. Хочется, чтобы рядом с вами просто кто-то был, кто вас ждёт, радуется вашему приходу. Хочется заботливо ухаживать и даже лелеять иногда кого-то. Делать подарки, делиться радостями и печалью. Хочется обнять кого-то... Короче говоря, завёл я как-то ёжика.

У вас ещё никогда не было ёжиков, случайно? Так вот, заявляю вам со всей строгостью и без иронии – никогда, ни при каких обстоятельствах не заводите ёжиков! Более идиотской затеи в моей безрадостной жизни не было ещё никогда, уверяю вас. Маленький смешной комочек с глазками-бусинками на самом деле оказался воистину циничной неблагодарной бестией с самыми низменными эгоистичными наклонностями. Поверьте. А всё начиналось вполне невинно. Ничего ещё не подозревая, я принёс ёжика из леса домой за пазухой. Это, конечно, мягко сказано – «принёс»!.. Вернее сказать, я бежал, вульгарно взвизгивая и высунув язык, втягивая живот и оттопыривая куртку, так как упрямая животиночка истошно царапалась и ежеминутно выпячивала колючки, подло пользуясь нашей близостью. Причём самая мерзкая его выходка ждала меня перед самым домом. Ёжик на секунду притих и, неожиданно резво работая сразу всеми лапками, вдруг стремительно забрался в середину рукава!.. Вы когда-нибудь вытаскивали ёжиков из рукавов? Нет? Не приходилось вам? Неприлично взвывая от неожиданности, я присел и прыгал на одной ноге, пытаюсь выковырять упрямую

бестию, которая кусалась и царапалась, шипя изо всех сил. Теперь я знаю наверняка – единственный способ выманить ёжика из рукава, это замереть на десять минут, претворившись, что вы ушли, например. Не слыша ваших истошных криков, ёжик быстро теряет интерес к драке и выползает сам, уверяю вас.

Дома я обработал пальцы зелёнкой, наивно полагая, что на этом мои беды закончились. Осознание чего-то светлого и доброго в душе всегда приятно волнует. «Ну, вот, – думаете вы, – теперь у меня есть ёжик!..» И вы совершенно ещё не понимаете, что скрывается за этим немигающим спокойным взглядом.

Пожалуй, самая глупая иллюзия – полагать, что ёжик будет жить в коробке. Полный бред! Спросите любого ёжика. Мои робкие надежды, что он поведётся на мягкую подстилку из старых трико, ёжик поднял на смех. Вы до сих пор считаете, что голубая мечта каждого ёжика – это блюдечко с молочком возле горячей батареи? Чушь! Наивно надеясь, что этот последний аргумент призовет, наконец, ёжика к совести, я легонько ткнул его носом в блюдечко, уверенный, что ёжик, благодарно лакая молочко розовым язычком, смирится, и задумается о своём мерзком поведении. Шиш вам с маслом! Демонстративно отплевавшись, ёжик вошёл в блюдце немытыми ногами и, с вызовом глядя мне в глаза, нагадил в молоко!

И тут я решил дать освоиться ежу, понимая, что дикое

животное испытало стресс. Предоставив ёжика самому себе, я стал наблюдать тихонько за ним, с удовольствием отмечая положительные стороны моего гостя. Во-первых, он не боится. Это факт. Я бы совсем не хотел, что бы он забился в уголок и тосковал там. Нет! Ёжик носился по квартире с таким бесцеремонным видом, словно проводит инвентаризацию. За пять минут он обшарил все углы и закоулки, всё обнюхав и что-то даже куснув. «Ни-чѐ, – думал я, улыбаясь, – освоится малыш!..»

То, что ёжик «освоился» окончательно, я понял той же ночью. Более нахального соседа у меня ещё не было. Пару раз я даже включал свет, что бы убедиться, что мы не переезжаем в срочном порядке. Именно такие, обычно, происходят звуки при переездах, когда двигают мебель и складывают посуду в коробки. Деловая колючая крыса носилась по комнате, явно стараясь наделать как можно больше грохота, при этом топя и беспрерывно что-то жуя и чавкая. Нет, я, конечно, против ущемления свободы и никогда не отрицаю самовыражения, но на кой хрен, скажите мне, пытаться залезть под ковѐр, причѐм так упорно пыхтя? Полночи я лежал, глядя в потолок воспалѐнными глазами и слушая как ёжик чавкает очередным комаром так громко, словно ест барана. Где он их находит, чтоб он сдох?!! Включаю свет и внимательно смотрю, стоя на четвереньках – чего он опять жрѐт с таким аппетитом? Абсолютно игнорируя меня, ёжик стремительно протопал на полметра в сторону, схватил что-то невиди-

мое и опять зачавкал!.. Потрясённый, я полчаса наблюдал за ним, так и не поняв, в чём секрет, твёрдо убеждённый, что ёжик просто издевается надо мной. Решительно выключив свет, я укрылся с головой, дав себе железную установку – уснуть ёжику на зло.

Хрен вам по всей роже... Мне приснилось, что маньяк на бульдозере ломает дом, а я мечусь, привязанный к кровати. Проснулся я от страшного скрежета в темноте. Несколько секунд я лежал, не моргая и обливаясь холодным потом, силясь понять – что происходит?

Выяснилось, что ёжик пытается пролезть под комодом!.. Тоскливо понимая, что достать его я не смогу, а если достану, то убью непременно, я, лёжа на пузе, десять минут наблюдаю отрешённо, как он, скрежеща колючками по комоду, словно раненный спелеолог, продирается в тесноте со скоростью два сантиметра в минуту.

...Когда чуть рассвело, я отнёс ёжика в лес и убежал, не оборачиваясь. Ни звука благодарности вслед я не услышал. Уверяю вас – ёжики самые черствые и беспринципные существа. Не связывайтесь с ними ни в коем случае!..

Анжела

...Как-то случилось мне свалиться с гриппом чёрти-где, вдали от дома, где-то проездом в Астраханской области в слякотном ветреном апреле. Нет, я болею крайне редко, «на ногах», как говорится, но если заболел, то хана. В лёжку дня на три, под сорок, с ночными кошмарами. А тут, надо же!.. Проездом где-то в Нижних Ебеньях, я вдруг понял, что надо полежать пару дней, а то схохну где-нибудь под Элистой. С трудом оттянув пружину двери, я вошёл в треснувшее поперёк здание, напоминающее амбар, с яркой вывеской «*Hotel Paradis Nizhnie Ebenya*». Разбуженная мною вахтёрша вскрикнула, вызвав у меня микроинсульт, и перекрестилась, пояснив, что в гостинице всего два номера, и я могу взять только номер VIP (потому что он с окном!), так как номер «не-VIP» – забит гвоздями. Разбираться я ни стал и поплёлся в VIP. В номере действительно было одно окно, двуспальная кровать, стул и шифоньер. Больше всего меня потряс шифоньер. Огромная трапециевидная конструкция сотрясалась и угрожающе кренилась от моей ходьбы по полу, угрожая упасть, но самое потрясающее было внутри. Открыв дверцы, я замер потрясённый – внутри шифоньера не было ничего! То есть, абсолютно ничего. Ни полок, ни вешалок, ни трубы для вешалок, ни крючков, ни чего!.. Только пустая бутылка из-под водки. Сил не было, и я решил, что убью ад-

министратора завтра. Сев на кровать, я мысленно поблагодарил Создателя, за то, что не сел на стул, так как увидел, что у стула только три ноги. Подперев стул к стене, я постелил на него газету (благодатная привычка с молодости – брать в дорогу пару газет, хвала Господу), выложил недоеденное в поезде, выпил стакан водки, заставляя себя закусывать окаменевшим пирожком. Сразу как-то потеплело. Ни чё, живём!.. Но спать, видимо, придётся одетым.

У меня очень чуткий сон. Часто это изнуряет. Нет, это неплохо, когда ты слышишь, как кто-то поднимается по лестнице, проходит мимо двери. Но слышать, как в замок с хрустом вставляется ключ этажом ниже... Автоматически посмотрел на часы – полночь. Отлично! Проспал часов 5 – и не замёрз!.. Всё-же ботинки надо было снять... Теперь можно. Лёжа прислушиваюсь, что меня разбудило? Со стороны окна слышится движение. Кто-то явно подтягивается на жестяном карнизике. Ин-нтересно... Медленно встаю в темноте, беру в руки стул, отхожу в угол окна. Постучали пальцами по стеклу. Ин-нтересненько... Беззвучно приближаюсь, тихо открываю задвижку, отхожу. Окно толкнули и обеими руками повисли на раме. Отхожу ещё дальше в угол. В фрамугу, с трудом, на пузе, чертыхаясь и сопя, вползает что-то косматое. По причёске и запаху вижу – вроде бы девушка. Инти-ре...

– Не включайте свет!, – весело шепчет незнакомка, – я Анжела, ик! Здраст... Тфу, ёп!.. Ой!, —

далее следует звук падения, словно с подоконника сбросили мешок со свежей рыбой. Анжела встаёт, тихонько матерится, смеясь, оправляет мини-юбку:

– Здравствуйте. Вам женщина нужна?

Колоссальный по колориту запах наполняет морозный воздух моего VIP-а. Безбожный перегар, сдобренный девичьим потом, густо и бездарно замаскирован косметикой. Я поднимаю брови – показалось, что ли? Нет. Не показалось – от неё действительно пахнет говном. Анжела понимающе хихикнула и согнув толстую ляжку, словно в «чарльстоне», осмотрела подошву:

– Тфу, блин. На говно наступила!..

Откровенно толстая, ярко рыжая, размалёванная девка лет двадцати, в роккерской куртке и ссадиной в дырке на белой коленке.

Не в силах разговаривать, я улыбаюсь вежливо и молча, отрицательно качаю головой, приглашая Анжелу к двери.

– А пиво есть?

Качаю интенсивнее, открываю дверь, приглашая Анжелу выйти.

– Козёл...

Больше Анжела не приходила, а я так и уехал больной...

Акция

...Жестокость, я заметил, всегда была присуща и человеку, и женщинам...

Ещё будучи тридцатилетним не целованным юнцом, я ни раз убеждался, что женщины созданы в противовес моей добродетели и скромности. Всякий раз, наивно полагаясь на здравый разум, я неизбежно попадаюсь на их очередную злую шутку из раздела «открой рот, закрой глаза!» И если раньше подлые обманщицы ограничивались куриной какашкой или дохлым жуком, теперь изощрённость их злых утех вышла на изуверский уровень... Возле супермаркета меня остановила стайка девушек-студенток:

– Уррра!.. Вы у нас десятитысячный посетитель!, – тормошат меня ароматные красавицы, а одна просто повисла на шее, – Вы выиграли главный приз!.. Как вас зовут?, – орут влюблённо, фамилию мою в какой-то бланк записывают.

Я оторопел... Напор и всеобщее бурное веселье меня опьянили и лишили чувства безопасности. И не мудрено. Словно в корзинку с цветами меня мордой окунули.

... – Я сейчас объясню вам правила получения приза! Меня Оксаной зовут. Здравствуйте!..

И под щебетание и смех, Оксана объяснила мне, что я – юбилейный посетитель супермаркета, и что они проводят акцию, а я не мог оторвать глаз от её груди под узкой курточ-

кой, и краснел.

– По условиям акции, – тарыхтела милая Оксана, периодически шикая на смеющихся девчонок, – Вам, уважаемый Алик, э... предоставляется право совершить бесплатную покупку в данном магазине!.. Всё, что вы успеете вынести из магазина за одну минуту – всё для вас будет бесплатно! Вам понятно?.. Всё что вы успеете вывезти на корзинке. Понятно?

...Возле магазина поток людей шурует туда-сюда, рекламщиков тут всегда много, охранник хмуро прошёл.

Я переспросил правила, и Оксана опять повторила заученный текст:

... – Только учтите – у вас есть только одна минута!.. На секунду опоздаете – ничего не получите!.. Понятно? Так что берите только самое нужное. Не жадничайте. Хорошо?.. Я буду следить по секундомеру!.. Итак, вы готовы?.., – ко мне торжественно подкатили огромную корзину, – Алик, вы готовы?..

– За одну минуту?.., – я ещё находился под гипнозом её груди, совершенно невольно размышляя, что в принципе минута – это огромный период, если всё сделать чётко. Главное не суетиться...

– Готовы?.., – кричат хором красавицы, заливаясь смехом, – Раз!... Два!...

– Три!!!, – крикнула Оксана, и меня подтолкнули сзади, и я рванул на всех парах, поощряемый сзади свистом и улю-

люканием...

...Миновав турникет без особых проблем, я включил третью скорость, разбегаясь до сорока километров в час. Машинально отсчитывая в голове секунды, я рванул по заранее намеченной петле, стараясь не задевать витрины, на ходу аккуратно, но быстро укладывая в корзинку всё, более-менее меня интересующее. Удачно срезав угол перед хлебным отделом, я на десятой уже секунде ловко бросил в корзину буженины тысяч на десять и целый брикет отличной белорусской копчёности. Счётчик в голове судорожно подсчитывал халаву, когда я солидным штабелем аккуратно уложил душистые коробочки парфюма для супруги и несколько коробок для бритвы себе, молниеносно выбирая строго по ценникам, хватая самое дорогое. Люди шарахались в стороны и провожали меня взглядами, когда я нёсся, словно лошадь на пожар, на ходу швыряя в переполненную уже корзину превосходную колбасу, уйгурский сыр, сыр с плесенью, несколько ананасов, пачку футболок, десяток кружевных лифчиков, шесть бутылок «Виски», аккуратную упаковку «Варштайнер», коробку сигар «Хабана», пару ноутбуков, набор ключей «Глосс» (моя давняя мечта, 32 тыщи, бляха-муха!), два блока «Мальборо», резкий возврат назад, и ещё четыре блока «Мальборо», и тут же я обжёгся мыслью, что в спешке совсем не слежу за временем!..

...Жадность фраера погубит, господи! Эта истина вечна и неоспорима! Тоскуя, я рванул тогда на полных парах к вы-

ходу, через кассы, с трудом успокаивая себя, что в принципе неплохо наварился, хотя можно было бы взять сигар ещё коробок пять, а вискаря ещё бутылки четыре влезло бы точно. И фотик мазёвый я чё-то пропустил... Кодак... Уже на ходу ссыпав в корзину прямо сверху пол палеты жвачки для сына, я рванул с ускорением к кассам на выход, и пронёсся мимо окаменевшего охранника.

...Прямо возле спасительного выхода сзади меня схватили сразу четверо...

Перед магазином студенток не было...

...Разбираясь с охранниками, крепко держащими меня за одежду, я сбивчиво объяснял им условия акции, краем глаза наблюдая, как из окон кафе на нас смотрит компания смеющихся мерзких девичьих рож, снимающих всё на телефоны...

Больше я в тот супермаркет не хожу...

Не пускают меня.

Беспонотовый

Памяти Волошина Владимира.

...Кликуха* «Беспонотовый» прилипла к нему давно. Карикатурная внешность его настолько колоритна, что друго-

го прозвища у него, пожалуй, быть и не могло. Костлявый. Огромные оттопыренные уши. Глаза мудрого бассета. Толстые, разбитые, все в шрамах, губы. Похож на больного гоблина, которого всё время бьют ни за что, ни про что.

Тем не менее, Беспонтовый лучше всех делал модели кораблей, нарды, резал иконы по дереву. Поэтому его кликуха воспринималась хоть и с иронией, но уважительно среди нас. Он был единственный, кто делал корабли на заказ для больших ментов, поэтому трезвого его не били, корабли забирать при обысках боялись. Не матерных слов в его лексиконе было меньше иных, повествовать будет трудно. Но не написать о нём не могу. Как-то за цифирем он расчувствовался:

– Два и восемь в Джамбуле отмотал*, приехал на 23-ю. Ещё три осталось. Нормально мужиковал*. Кустарки валом*. Мануфта* без проблем. Шмали-стекла-колёс* хватает, чиф с глюкозой*, все дела... Я ещё молодой был. Мечтал: выйду – первым делом бабу сниму и сникерс попробую. Рекламу по телеку крутят каждую минуту – марсы, сникерсы. Не пробовал, где ж взять? Тут ДПНК* подтягивает на свиданку*. Я не понял: ко мне вроде бы не кому ездить. Оказывается, сестра из Москвы прикатила, матушкину хату продать не может без моей подписи. Я там прописан до сих пор. Короче, то да сё, я её и не помню толком, трандец – корова ушлая стала! Подписал я ей всё, взял передачку и до хаты бегу. А перед этим три-четыре кубика жвачки заныкал* в носки. Не хотел, чтобы контролёры на шмоне отмели*. Сто лет

жвачку не жевал. В слесарку один зашёл. Жвачку жую-жую-жую... Чё за хрень? Солёная, не лепится. Для пива, что ли? Чуть не обрыгался... Потом оказалось – кубики Магги...

Беспонтовый смеётся сам над собой так, что не возможно не смеяться.

– Потом, прикинь, по отряду* ходит один... Гусь. Понтуется, сотка в руке*. Я кричу*: дай позвонить кенту на волю, ни разу, говорю, в жизни по сотке не разговаривал. Он кричит: полдороги герыча* давай – пять минут побазаришь. Я кустарку толкнул, полдороги у барыги* взял. Он мне сотку даёт, время по секундам засекает, шакал. Я в душевой заныкался. Номер набираю, вроде цифры правильно высвечиваются... Слушаю – ни гудков, ни звонка. Пять минут мудохался-мудохался... Ни фига не позвонил. Отдал.

Беспонтовый выдерживает горькую паузу, закуривает «Полёт» без фильтра:

– Калькулятор это был, оказывается... Прикинь?..

...Беспонтовый освободился прямо перед Новым годом. С него, вусмерть пьяного, спящего на лавочке, ночью кто-то снял куртку и ботинки. Замёрз к утру насмерть. «Сникерс» початый под лавочкой лежал в снегу. А в кармане брюк штук десять презервативов было.

Кликуха – прозвище.

Отмотал – отсидел.

Мужиковал – (мужик) – осужденный, не отказывающийся

от работы.

Кустарки валом – можно кустарить, сбывать кустарную продукцию, значит лафа, есть курево, чай и остальное

Мануфта – строй материалы, обычно старая мебель

Шмали-стекла-колёс – анаши, наркосодержащих медикоментов в ампулах, в таблетках

Глюкоза – сахар, конфеты

ДПНК – дежурный помощник начальника колонии, офицерская должность.

Подтягивает на свиданку – зовёт на краткосрочное свидание с родственниками. Установленное Законом право (в зоне строгого режима, например, 1 раз в полгода, при отсутствии нарушений режима)

Занькал – спрятал.

На шмоне отмели – забрали во время обыска

Отряд – жилое помещение

Сотка – сотовый телефон, в МЛС входит в перечень запрещённых предметов

Барыга – продавец

Кричу – говорю

Полдороги герыча – половина «дорожки» героина (примерно 0,2 – 0,4 грамма, средняя доза для одного)

В колхозе «Путь Ильича»

... – Уволь его к чёртовой матери, говорю!.. Никакого сла-
ду нет, ей-богу, Иван Иванович!.., – бригадир начал переходить уже на неприличный крик, и председатель хмуро встал из-за стола, – Уволь, прошу, или я за себя не отвечаю, ей-бо-
гу!.., – Семён Петрович, тщедушный зловредный мужичок, гроза доярок обеих ферм, красный от гнева, дёргался, как Петрушка на ярмарке... А речь всё о том же Эдике-дурачке, знаменитом на весь колхоз скотнике. Отсидел дурачина ни за что, ни про что, вернулся, доходяга, в родной колхоз, не образования, не специальности, куда ж его? Только скотником. И вот Эдик на ферме что ни день, то фокус выкинет. Неймётся ему!..

У каждой дойной коровы на отстойнике таблички висят, где имя коровье написано, возраст и прочие данные. И имена Семён Петрович коровам даёт самолично, считая это делом «сурьёзным». А Эдик-паршивец и в эту его бригадирскую трепетную нишу влез. Подтёр на табличке у гордости фермы коровы Груши букву, и переправил её имя на «Гриша». Учётчики это не доглядели, и по всем ведомостям теперь самая дойная корова записана «Гришей». И в квартальном отчёте Гришей прошла...

С района приёмщица Элеонора Григорьевна, томная пышная красавица, о ком Семён Петрович тайно вздыхает уже год, по телефону так и сказала:

– Совсем вы, Семён Петрович, там у себя в колхозе до чёртиков допились, что ли? Какая к чёрту «Гриша»? С дубу вы

там рухнули, – говорит...

И Семён Петрович лебезил в трубку глупости, мол, недоразумение, а Элеонора слышать ни чего не хочет, и издёвку про Гришу на счёт своего отчества всерьёз принимает:

– Это ваши букеты ко мне, – говорит, – одно недоразумение. Корову Гришей назвать!.. Долбанутые вы совсем, – говорит, – хоть и бригадиры... Уже и в Москве мы с вашей Гришей знаменитые стали. Люди хохочут... Што б вы сдохли там, – обижается, – вместе со своей Гришей!.., – трубку швыряет.

Испортил, короче говоря, все отношения с женщиной сволочь-Эдуард.

...А недавно чуть до драки не дошло.

Бригадир по-человечески дал указание окультурить досуг на ферме.

... – А-то чего ж получается?, – солидно от всего сердца кричал с трибуны Семён Петрович, – как свободная минутка, так сразу за бутылку норовят!.. А ведь можно и по-культурному же отдохнуть, товарищи! Нечто в шахматы не сыграть меж доек?.. Или в шашки там!.. Или ещё чего?..

Доярки слушали и хихикали, пожимая плечами. А Эдик-змея покумекал и в свинарнике качели приладил...

... – Ну, не сука разве?, – бригадир аж бледнел, вспоминая какими взглядами осматривал проверяющий качели между ясель с поросятами, – Комиссия приезжает, а у нас в свинарнике – качели!.. Скотина этот Эдик!.. Издевается, сволочь

такая!.. Увольте, Иван Иванович, а то придушу я его, сволочугу!.. Что ни комиссия – все в один голос в глаза тычут: «шо за придурок у вас тут бригадир?».. Все шишки на меня!..

... – Да за что ж его увольнять, Семён?, – председатель вздыхал и кряхтел, – Ну, дурачится парень... Работник-то неплохой... Да и работать кто будет?.. Четыре мужика на ферме... На сотню баб... Поговорю я с ним...

– Поговорите, Иван Иванович!, – орал бригадир, выдохнувшись совсем, – Поговорите с этой бль... Прибью дурака!.. Ей-богу, прибью!..

...На следующий день скотник фермы Эдуард Тимошкин стоял пред столом председателя. Роба нахальная, хоть кол на голове теши.

– Что ж ты, Эдик, всё дурака валяешь-то?.. Люди работают, план дают... А ты всё норовишь выпендриться... Воду баламутишь! Не по-комсомольски это. На кой хрен тебе качели в свинарнике?.., – Иван Иванович мягко по-отечески сетовал.

– Ды..., – а тот ещё и обижается, гад, глаза пучит, – Чем же ему качели помешали?.. Иван Иванович!.. Пить – нельзя, на качелях покачаться – тоже нельзя... Говорит – окультуривайтесь давай...

– Ты ваньку-то валять мне брось!, – председатель вдруг кричит строго, для порядку, а разозлиться всё одно не получается, – Ты что ж, со свиньями там на качелях качаться будешь?.. Проверяющий слышал что написал? «... «Допились

до качелей в свинарнике некоторые в колхозах нашего района!”... А? «... Что дальше будет, если не прекратить пьянство?, – пишет, – Не ровен час они (это «мы» значит!) в курятнике танцы под гармошку затеют!...», тит его нехай!..., – наконец-то взбеленился председатель.

И Эдик хмыкает сдержанно, без интереса, а председатель темнеет, цитируя, подняв грозно палец:

... – «... пока не поздно, нужно принимать меры! Пока они там до чёртиков совсем не допились!...»

Нехорошая пауза повисла и беззвучно сдулась.

Иван Иванович повздыхал хмуро, не глядя вынес вердикт:
– За «Гришу». За качели. За портрет Андропова в душевой – строгий тебе выговор!.. Следующий раз – уволью к чёртовой матери.

Эдик молчит.

– Ты всё понял?

– Понял...

– Вот иди и работай.

Тот с готовностью направляется к двери:

– Чем им Андропов-то не угодил?..., – ворчит на ходу.

– Ну не в душевой же!!?, – страшно орёт вслед Иван Иванович, стуча кулаком по столу, – девки раздеваться стесняются!.. Говорят – не знают куда деться от взгляда!.. Ты совсем дурак, что ли? На кой им в душевой Андропов?!..

– Поду-умаешь!..

...А через два дня бригадир опять уже напрягал горло

в кабинете:

– Уволь ты эту заразу, Иван Иваныч!.. Христом-богом прошу, честное партийное!.. Уволь паразита!.. Пришибу скотину!..

В садике

...Ребёнка забирал из садика как-то, помню.

А родитель я неряшливый. Сколько раз жена ругалась, призывая всех святых в свидетели:

– Ты чего, совсем дурак, что ли?!.. – и в злых глазах слёз по пол ведра в каждом, – Я же просила тебя – забери ребёнка до пяти часов!!.. Ты где был?!.. Скотина!.. Где ты был?!.. Я тебя спрашиваю!!..

И орёт, как ненормальная... Опоздал я немного. И чего? Забрал ребёнка после восьми. Чего тут такого? С каждым бывает...

... – С каким там «с каждым»!.., – кричит жена, сдирая с сына одежду, – С каким «каждым»?!!..

И плачет дура так злобно, что я не знаю, куда деваться.

... – Я каждый день тебе говорю одно и то же – «Алик! Не забудь забрать ребёнка!.. В пять часов у них группа закрывается!!», Стой нормально!, – автоматически рычит она на сына, «мудохаясь» с пуговкой на воротнике, – А ты?!.. Ты дурак совсем, что ли?!.. Сколько можно?!.. Ты о чём думаешь опять?!.. Дубина тупорогая!.. Ребёнку спать скоро пора, а его ещё купать и кормить!.. «Гений» долбаный!.. Опять свою хрень пишешь?..

Мне иногда кажется, что она меня не любит. Всё время

«гением» обзывает.

... – Я же просила!.. Ты же обещал!..

А я вроде и не опаздывал совсем. А потом к садику подбегаю, а там уже и все окна тёмные, и сторож баба Света посмеивается:

– Опять вы запаздываете?

И сынок мой сонный сидит на стульчике, в уголок голову прикорнул, вот-вот уснёт, зевает, набок норовит уложиться.

...А тот раз совсем рано получилось придти. Полпятого почти. По коридору иду к группе, уборщица тётя Наиля останавливает:

– Тут посидите пока. Сейчас домою – и пойдёте. Вы чего так рано?

...И сажусь я на крохотную лавочку, наблюдая, как бабулька с шваброй в позе «буква Гэ» удаляется по коридору, натирая зигзагом линолеум. Рядом дверь приоткрыта, слышу негромкое:

... – Я же просила уже – я хочу раком!

В садике тишина. Всё вымыто до блеска, на стенах картины, папье-маше. Фикус огромный подрагивает сонным эхом в длинном коридоре.

... – Нет!..., – капризничает невидимая девушка, – Я тебе сразу сказала – я только раком буду!..

Невольно съёжившись, я представил, что меня «застукают» сейчас, выглянув, мол, чё подслушиваешь, дурик?

... – Не-е-ет!... Я же говорила уже... Я хочу раком!.. Ни

чѐ я не вредничаю!..., – посмеивается за дверью прелестница, капризная с удовольствием, – Или раком, или вообще не буду!... Всё!... Да!.. Только раком!..

И смеётся, и хихикает, показывая, что и сама согласна, что она и вредина и капризуля:

... – Я раком хочу-у, говорю!... Только ра-аком!..

Видя, что уборщица не меняя позы скрылась за углом, я по-воровски на цыпочках прохожу мимо похабной двери, стараясь не прыснуть смехом. Следом несётся говорок:

... – Ну всё!.. Договорились?!.. Алё?!.. Короче говоря, я буду «Рак». Трофимова – «Лебедь», а Мария Васильевна – «Щука»!.. Хорошо?.. Ну, ладно, давай!.. Чмоки-чмоки!.. Я уже костюм меряла...

И я сижу потом весь взволнованный в раздевалке, жду сыночка, доедающего супчик, весь такой довольный, что не застучали меня...

Дурак, ей-богу... Кому скажи...

Крылова они, сволочи, изучают в садиках, видишь ли тили... ти...

Домовик

...Дед мой, Анатолий Леонтьевич, царствие ему небесное, хороший человек был! Рассказывал нам часто истории

немудрёные, а мы, внуки (целая шайка нас бывало соберётся в кучку, рты раззявим – слушаем!), и всё ждём, когда дед опять про домового вспомнит. А домовый-то – тут, как тут!.. То половицей скрипнет в углу, то у печки голик легонько толкнёт, да тот и проедет ручкой по стенке, да и шлёпнет на пол, как живой... Озорник домовый-то. А дед его хвалит нахваливает, а и есть за что. У сильного домового и в доме порядок, и по сараям, по огородикам всё на местах. И дровня полным-полна, и в погребе сухо, и припасов под самый потолок.

Раньше-то в каждом доме домовые водились. Да! Что же за дом без домового-то?.. Кто же за порядком-то присмотрит? Без хозяина-домового и мыши напраказничают, и крыша протечёт, и, того гляди, до пожара недалеко, упаси Господь!.. Домовой за каждым смотрит, да всё замечает. Строго припомнит потом.

Ежли, к примеру, кто из людей скромн со старшими, да работящ и весел – получай, что заработал: домовый и в трубе смешно погудит, и сон до утра охранит, а по дому поможет так, что и не заметишь работы-то, всё споро, быстро, да весело. А кто врёт много, да зло в себе таскает – домовый тоже смотрит, да примечает. И вот будто валится у такого человека всё из рук – это домовый его под локоть толкнул. И муху в молоко бросит, и в борщ плюнет, чтоб тот скис за ночь. А спать злой человек ляжет – домовый и давай ему спать мешать: то одеяло стянет, а то наоборот – с головой укроет!..

Так вот было.

Были домовые. Были... В старину-то. В каждом доме были. А по дому-то сразу и видно. Если видишь – домик и тёплый, и крепкий, и сытно в доме, и песни поют – так и знай, в этом доме домового уважают и слушаются, вот и он за домом смотрит. Чуть кто вздумал ругнуться – домовый с чердака тихонечко в половицу – «стук!». Мол, ну-ка, тихо там!.. Человек сразу и молчок... Нечо ругаться-то. Или кто вдруг обиду затаил или ещё чего, домовый тут как тут: то в печке чихнёт, то форточку сквозняком толкнёт. Предупреждает, что бы не забывали-то.

...Бабушка на рушнике завязывала пару узелков и получалась кукла. И вот уже домовик кубарем с чердака бежит – торопится. И в куклу-то шмыг!.. И кукла оживает будто. И сплещет и спляшет кукла Катька, и поругает, что молоко не допил, и покорит, что снег ел – это домовик в кукле бабушкиным голосом пел мне когда-то: «Ой-лё-ли!.. Ой-лё-ли!»

голик – веник,
дровня – место, где хранят дрова,
рушник – полотенце,
кубарем – кувыркoм (кубарь – небольшой деревянный выюн-юла для игры в старину).

Анзорчик

...Как-то сложилось, что одна из любимых мною тем неминуемо связана с периодом конца 90-х.

Именно этот период разделил мою жизнь на две половинки, где в первой – пионерский галстук, мороженное по 20 коп., песня Лещенко «Ни минуты покоя» и любимая моя учительница Мендыханым Галимжановна, а во второй – мне вдруг объяснили, что я «нерусский», в «Союзпечати» я видел своими глазами порнографические карты на витрине (в то же время выяснилось, что «любить» женщину можно ни только туда, а ещё в 3—4 места...), а на памятнике Ленину почти год красовалась кем-то намалёванная свастика (и всем было пофиг!), и спокойно витали в воздухе такие невозможные понятия, как «дать на лапу», «проститутка» и «толпой накурились».

Мне повезло, и этот период жизни я отсиделся в армии.

Два года и шесть месяцев я отдавал долг Родине в Подмосковье, где в форме лётчика (голубые погоны), в цеху я трудился плотником-станочником, делая гробы.

В день мы «строгали » обычно по 2—3 штуки. Сие изделие мы называли «термос», ибо окромя самого гроба (полностью оформленного (белая ситцевая подушечка со стружкой, чёрный кантик кружевом по боку гроба)) в комплект входил ещё и цинковый параллелепипед (иногда с окошком

на уровне лица) и поверх всего этого – здоровенный фанерный ящик, в три метра длиной. Три коробочки – одна в одной. В итоге конструкция была тяжёлой и громоздкой, вчетвером разве что... И по ведомости я (ко второму году службы – старший бригады работ спецзаказа) отмечал это как «изделие СКТГ-200”. Спецкомплект транспортировки груза – 200».

И каким-то макарон в наш закрытый коллектив (12—15 чел кустарей, три плотника, три грузчика, и проч., и все в форме лётчиков!) к нам периодически направлялись вновь прибывшие.

И вот к нам пришёл Анзорчик.

Одному богу известно, какого чёрта Арзори был к нам направлен.

Наше отдельное подразделение разумнее было-бы назвать взводом, потому-что больше 20-ти человек у нас никогда (как говорили дембеля) не собиралось. Пару сварщиков, пару электриков, пару столяров. Мы выполняли аварийные работы в любое время суток. Режим казармы нас особо не касался, и смотрели все на нас обычно с завистью. Препираешься такой за полночь, целый час моешься-бреешься, а потом куришь с Андрюхой Борисенко (и втихоря клюкнешь по пийсят), а потом мочишь харю до обеда, ворча на бегающих с утра по подъёму мимо твоей шконки салаг:

– Слышь, тише ты там, пехота... Полегче копытами...

А ещё лучше сержантик такой в 6 утра визгливо поднимет

казарму:

– Рота подьём, мля!

И казарма вскочит, как ошпаренная, а командир роты прохаживается не спеша, а потом ядовито корит опоздавших в строй, и тут ты такой ковыляешь мимо вытянутого по команде «смирно!» строя, в трусах и тапочках, с закрытыми глазами, чтобы сонно побрызгать в томном эхе холодного туалета, и также прошоркать мимо, и смачно увалиться обратно спать...

И вот прибыл к нам Анзорчик.

...Анзор Данелия, между прочим.

Грузноватый невысоки хлопчик. Смелый взгляд. Ладони пухлые.

Я удивлялся – шо це такэ?

Я – плотник-станочник с правом ремонта. Андрюха – сварной 4 разряда. Эдик Швачко – хороший КИП-овец. Ринатик Гатауллин – мазёвый арматурщик (и может заменить и плотника и КИП-овца, если чё!), и т. д. И весь наш худой коллектив – мастера и кустари, я вон до сих пор ножи охотничьи делаю, ибо люблю работать руками. А Анзорчик приходит, и мы удивляемся. Анзорчик ни то что пуговку пришить, он и умыться как следует не может. Капризный шумный карапуз, холёный и балованный, вечно требующий помощи и внимания, Анзорчик – боксёр с десятилетним стажем, который шутку-прибаутку обязательно сопровождает дурашливым замахом в челюсть, останавливая кулак в сан-

тиметре:

– Цык-цык... Чё ты?.. А?.. Пощютил же я!.. Чё, пощютила не понимаэш?...

И обижается, насупливая брови, если кто не понимает «пощютилку». А кто третий раз не понял, и зажмурился, поднимая руки – Анзорчик серчает, краснея и размахивая руками, считая, что если ты такой тупой, что не понимаешь, то ты не уважаешь грузинов, и прочее, и Анзорчик смотрит с нескрываемой ненавистью, и еле сдерживает желание немедленно тебя убить.

Короче, хороший пёсик.

А я уже был в той сладкой стадии ” дедушки», когда «понял службу», и авторитет свой принимал как должное и обыкновенное, и перспектива получить по роже меня лишь забавляла. Нет, я не из робкого десятка, но по своей большой впечатлительности я всё чаще представлял, что разборка с резвым Анзорчиком меня не обойдёт стороной, ибо по породе своей я не сдержан, и не приемлю панибратства такого характера. Вон уже, безобидный и славный парень из Риги, Харалд, умница и чистюля, талантливый столяр, ни с того ни с сего получил по уху (а Харалду через месяц домой, а Анзорчик – два месяца, как служит!), и Харалд, стгорая от стыда перед молодняком, задумчиво и осторожно трёт пунцовое ухо, а Анзорчик (весьма тупое и самовлюблённое существо с пудовыми кулаками) отчитывает его по-отцовски:

– Говориль – нервы не играй? Говориль тебе?

И Харалд унижается, не зная, куда деваться от наших взглядов:

– Говорил...

У них произошёл диалог – в умывальнике Анзорчик попросил Харалда принести ему из тумбочки мыло (он всё время всем раздаёт поручения), а дембель-Харалд принял это за шутку, и Анзорчик пять раз смеялся, а потом заехал Харалду так, что Харалд ударился ухом об раковину и испачкал форму в мыльной луже. И Анзорчик искренне возмущается, еле сдерживаясь:

– Или я не говорил тебе?...

Короче говоря, я слегка затосковал.

Я знал наверняка, что тесного знакомства с Анзорчиком мне не избежать. И при своей щуплости я понимал, что моих кулаков на фоне очков явно будет недостаточно.

Я рисовал в фантазиях, как это неминуемо произойдёт.

Я повторяю, я не лох и не трус. Но как-то я увидел, как чётко и грамотно Анзори ставит левый хук очередному непонятливому, и мне становилось грустно. Я понимал, что у меня мало шансов, и мне нужно начать всё это первым.

При откровенной глупости и никчемности, Анзорчик являл собой образец чопорности, брезгливости и мстительности, всякий раз переспрашивая собеседника, с трудом соглашаясь, что над ним не надсмехаются.

– Чё ты сказал?... Че ты сейчас сказал?...

И, прижатый за шиворот в угол очередной «насмешник»,

не веря своим глазам, тщетно дёргался, пытаюсь урезонить взбеленившегося Анзорчика, не ведая, чем он так расстроен:

– Да... Подожди... Ды...

– Чё сказаль?, – переходил на кульминационный перед ударом визг Анзорчик.

У Анзорчика в Потти трёхэтажный дом и свой личный спортзал.

Сами грузины проходят мимо земляка с опаской. Настроение у Анзори меняется стремительно и непредсказуемо.

Только что сидели за столом, мирно беседовали и кушали, и вдруг резкий звук скользящего по полу стула, крики, шум, звон стакана об пол:

– Анзор, да ты подожди...

– Чё ты сказаль?... Чё ты сказаль?!..

– Да ты не понял... Анз...

И уже дубасит Анзори кулаками поверженного, сидя у него на груди.

...Скорее всего, я думаю, спас меня от неминуемой разборки Ваня Бойко. Черниговский пацан.

Тоже весьма интересный кекус.

Худющий, жилистый Ваня, со стороны совсем не впечатлял. Не интересный пацан. Рожа в прыщах. Сутулый и загорелый, Ваня явная деревенщина. На таких обычно катаются. Совершенно безотказный работяга. Шо коняка. Не раз Анзорчик отправлял Ваню с поручением. То одеколон принести «смотри – я понухаю! Эсли на себя побрызгал...» То

просто «иди, смотри – почтальон приходиль?», и Ваня спокойно и без задней мысли по-свойски «помогал», как и помогал каждому, кто обращался к нему с просьбой. А тут выяснилось, что Анзорчик чем-то остался недоволен, и Ваню схватили за шиворот, но Ваня обеими руками руку отодрал, и Ване обещали «показать», так как пришёл командир роты, и Ване пять раз прошипели «подожди, потом посмотришь!»...

И вот посреди ночи, часа в два, казарма проснулась от тонкого визга...

...Подкравшись к спящему Анзорчику, тощий Ваня осторожно просунул ремень между прутьев спинки изголовья кровати Анзора, обтянул ремнём шею дремлющего боксёра, и, намотав концы ремня на кулаки, упёрся ногами в кровать и стал душить Анзорчика, изо всех сил натягиваясь и краснея.

Пунцовый Анзорчик, мгновенно взбешённый, брыкал ногами, шипел и становился синим, но Ваня, облизывая губы, сипел, натягивая ремни:

– Ещё раз, сука... Ещё только р-раз ты, мразота, ко мне подойдёшь...

Анзорчик беленился, и бился так, что кровать прыгала и ходила ходуном, и пару раз он буквально становился вертикально, вцепившись в ремень, но змей Ваня, маневрируя, словно вожжами, не уступал, хмуро уговаривая:

– Ты меня понял, сука тупая?.. Ты понял меня?.. Угондо-

шу тебя, скот тупорогий!..

Побившись с минуту, придушенный Анзорчик разразился немой молитвой, обливаясь слезами и мелко шлёпая сразу руками и ногами по сетке кровати.

Чуть ослабив хватку, Ваня строго выглянул сверху:

– Ты точно понял меня? Сучара... У!?

Анзорчик разрыдался навзрыд, шумно вдыхая воздух, совершенно подавленный и разбитый:

– Д... Д... Пын..., – и истово закивал головой, глядя на Ваню глазами полными ужаса и слёз.

Потом он полчаса сидел в темноте, сглатывая и натирая шею, растрёпанный и несчастный, а казарма жила своей жизнью, и на него старались не смотреть.

...Ваня остался таким же, каким и был раньше, что и пугало. Такая же дурачина, которого что обдурить, что припахать, бегают – лыбятся, всем довольный.

А Анзорчик потух и сдулся.

Только раз я слышал как-то, как он обиженно сетовал кому-то в беседе, осторожно ощупывая горло и озираясь:

– Не мог но нормальному поговорить, что ли... Как зверь савсэм...

Мамульчик

Да и писать-то особо не о чем...

История, каких тьма. Маринка с Лёхой поженились. Через год у них Леночка родилась. Чё тут рассказывать-то?.. Может кому и не интересно.

А Лёха свою новую ипостась в роли «зятка» принял взволнованно и стойко. Всё эти анекдоты про тещ. Кого слушаешь, так теща – это исчадие ада прямо какое-то...

...А Людмила Викторовна красивая женщина. Есть такая порода. Они и к восьмидесяти остаются женщинами, «бабкой» язык не повернётся назвать. И причёсочка у неё, и маникюрчик... Шляпки с пером не хватает!.. Летом она в бриджах, зимой в спортивном костюме на вате. И фигурку сохранила и приятность улыбки ей к лицу. И вот Лёха (зятёк новоиспечённый) стал присматриваться к теще, и с удивлением в два дня понял, что врут люди. Ни все тещи плохие. Есть исключения!.. Вон у Андрюхи теща, например – тоже нормальный человек. Живут себе спокойно. Андрюха её даже «мамой» зовёт. И Людмила Викторовна – милая хлебосольная женщина. Ещё до свадьбы бывало с Маринкой в гости к ним зайдёшь – Людмила Викторовна щебечет, как синичка, всё с шуткой, всё с прибауткой. И добавку заставит съесть и прилечь-отдохнуть расположит. И смешно и приятно. От-

казываться бесполезно, всё-равно по своему сделает, настопит. Полдня Лёха с Маринкой просидели дома, и завтракали и обедали. Собрались куда-то, одеваются, а она подскакивает неожиданно:

– А я вам сейчас блинчиков, Лёш?..

И бегом на кухню, и с кухни покрикивает:

– Мариночка!.. На минуточку задержитесь, зайка!.. Я быстренько!.. Лёша голодный совсем остался!..

– Да ма-а-ам!.., – Маринка, обуваясь в коридоре, надувает губки, смешно тараща красивые глазищи беззвучно смеющемся Лёхе, – мы уходим уже!..

– Минуточку!.. Одну минуточку!.., – гремит сковородками Людмила Викторовна.

– Да мама!.., – обутая Марина капризно хмурится, смешно грозит Лёхе, – мы наелись!.. Опоздаем сейчас!..

– Всё, Мариш!.. Всё!.. Ещё пол минуточки!.., – щебечет мать с кухни и слышатся звуки миксера, разбивания яйца, ложку на пол уронили...

– Мама!.., – Маринка тщетно злится, шёпотом срываясь на Лёхе, – Ты чё ржёшь?.. Сейчас точно опоздаем!.. Скажи, что наелся!..

Лёха влюблённо смеётся, прижимая к себе брыкающуюся Маринку:

– Людмила Викторовна!.. Как-нибудь в другой раз!.. Спасибо, очень вкусно...

– ... Бегу, Лёшенька!.. Бегу!.., – одновременно с ним кри-

чит Людмила Викторовна.

И вот их уже потешно раздели и заставили вымыть руки, а блинчики не получились – тесто плохое вышло, и Людмила Викторовна просит Лёшу достать с антресоли грибочки и варенье в банках, а Маринка кричит: «Да мама!..», а Лёха ржёт, как дурак, влюблённо глаза на обеих. И вместе с грибочками на Лёху падает огромный фотоальбом, и все пугаются и опять смеются, а потом целый час приходится смотреть фотографии, и Людмила Викторовна то прослезится, видя фото год назад умершей бабушки Тони, то неожиданно быстро перелистнёт страницу со смехом – «тут я плохо получилась!» И тут Людмила Викторовна испуганно спохватывается, что «они же опаздывают!», и долго извиняется перед Лёхой, что он остался без блинчиков, и кричит извинения вслед уже в подъезде.

Короче, ни тёща, а кусок динамита, как сказал бы мой отец.

А Лёхе тёща очень нравилась. Как ни крути, а женщина она милая и приветливая. Немного взбалмошная, вечно куда-то торопится, но со стороны это выглядит забавно, и Лёха во что бы то ни стало решил быть хорошим и послушным зятем. Что и сделал.

А подвижный и деятельный характер Людмилы Викторовны похоже изнурял в первую очередь саму её. За столом сидят, культурно всё, а она тебя спросит, за тебя ответит, а потом долго объясняет, почему ты не прав. Лёха ржал. Это бы-

ло смешно, что пару раз тещу хотелось заграбастать, как Маринку, потискать – потормошить. Но вместе с ростом пуза у Маринки, у тещи росла потребность в воспитании Лёхи и это стало чуть раздражать. Абсолютно незнакомый для Лёхи статус всё время виноватого, постепенно надоел. И вот уже всё реже он смеётся над милыми замечаниями, и старается уйти от ответа, но и этим не отделаешься. Ответил – получи, потому что ты не прав. Промолчал – ещё хуже: тебе тут же объяснят, что ты обиделся (да-да! я вижу – ты обиделся!..) потому что был не прав в следующих ситуациях... И Лёха задирает брови, узнав, что он оказывается и в тот раз был тоже не прав, а и не заметил...

А самое неприятное, что Лёха совершенно не желал пополнить армию «обиженных на тещу»!.. Ведь правда же – да, это смешно, когда рассказывают о чопорной и вредной дуре, которая отравляет жизнь своими выкрутасами!.. А чем же ты отличаешься от неё, зятёк, если ты не можешь найти общий язык с женщиной, которая тебя в два раза старше? Если у тебя ума больше не хватило, кроме как на склоку и скандалы с ней... Чем ты-то лучше?..

...И Алексей каждый раз настойчиво призывал себя не распускать сопли. Ведь это же смешно! Он – здоровый и умный мужик, у которого вот-вот ребёнок будет (причём ребёнок желанный и потому уже любимый!), он – работяга и вообще человек в принципе адекватный и жизнерадостный, вдруг ни с того ни с сего пополняет ряды малоумных

нытиков, которых хлебом не корми – дай поскулить, какая плохая тёща ему попалась! Нет, Лёха ни такой, и быть таким никогда не желает. И уступить он всегда может с лёгкостью – благо воспитан в нормальной семье, где легко и разумно принимают – это отец, это женщина, это старик. Чего ни так? Всё правильно. Субординация, так сказать... И Алексей всякий раз давал себе слово, что при разговорах с Людмилой Викторовной будет кроток, разумен и тактичен. Чего уж проще-то? И всё чаще и чаще он со вздохом понимал, что это ни так уж и просто. Происходило это совершенно неожиданно. Из любой, совершенно безобидной, казалось бы, мелочи у них неминуемо вырастал скандал с разбирательством, выяснением «кто виноват» и последующим «неразговариванием». И Лёха мрачно отмечал, что, видимо, ни такой уж он и умный парень, если не может контролировать процесс общения с единственной тёщей. А самое отвратительное и обескураживающее было то, что Лёха действительно совершенно ни мог объяснить даже самому себе – чего он опять натворил-то? Вроде бы работает, не пьёт, в чужие дела не лезет...

Обычно разговорчивая и приветливая тёща, как оказалось, разговаривает практически только сама с собой. Ежесекундно поучая, давая советы, призывая при этом бога в свидетели, Людмила Викторовна источает массу липкой тягучей патоки, зорко следя, что бы её внимательно слушали, и горе тебе, дураку, если ты по глупости ввяжешься в диалог.

– Только добра!.. Только добра нужно желать друг-другу!, – как всегда неожиданно Людмила Викторовна начинает свой бесконечный монолог уставшим голоском, – И здоровья и мира желать нужно друг другу! Бог всё видит и всегда поможет!, – крестится она странным зигзагом – лоб, плечи, живот, – Только добра и здоровья!.. Чтобы все-все!.. Все-при-все были счастливы и здоровы!..

И Алексей разумно помалкивает, узнав недавно, что соседи Людмилу Викторовну побаиваются и недолюбливают, за спиной называя «истеричкой», почему она и не здоровается ни с кем в доме.

– Вот пожелаешь кому-нибудь зла или неприятное слово какое скажешь если, – продолжает она, делая грустные брови, – И сразу же троекратно вернётся тебе зло!.. Истинный крест!.. Троекратно!..

А Лёха вспоминает, как во дворе недавно их встретила соседка с первого этажа:

– Здравствуйте, тётъ Люд!

И Лёха машинально здоровается, а Людмила Викторовна чуть кивает, ускорив шаг, и уже в лифте зло шепчет, поясняя:

– Наташка. Сучка с первого этажа... На дому у себя стриждёт за деньги. Думает, я не знаю. Весь дом к ней стричься ходит.

И дурак-Лёха из вежливости глупо улыбается, примирительно хмыкает:

– Да вам-то что с этого, Людмила Викторовна?.. Пусть стрижёт себе...

Людмила Викторовна бросает длинный взгляд на зятяка:

– А мне и нет никакого дела!.. Мне то чего?.. Я в чужие дела не вмешиваюсь!.. Что мне теперь, целоваться что ли при встрече с ней?..

– Ну, да..., – неопределённо протягивает Лёха, думая про себя с досадой: «Тфу, блин!..»

...С Маринкой у Лёхи было всё просто и легко. Она – маленькая умничка, которую хочется слушаться, он – здоровенный добряк, обожающий свою ” билеменную козьявку».

– Ты когда-нибудь серьёзным бываешь, дурачина?, – Маринка уютно усаживается к Лёхе на колени и целует его в нос.

– А зачем?, – смеётся тот, легко обнимая жену, лаская, как ребёнка.

– Ой, дурачи-и-ина..., – смеётся Маринка.

...А тут началось... Как ни придёт Лёха домой – его ждёт бойкот. Чего дуется? Не понятно. И, главное, молчит, зараза. Поди сам догадайся – чего ты опять натворил?

Только спустя несколько лет всё объяснилось.

Они уже давно отдельно жили. С родителями от силы пару месяцев пожили и съехали. Леночка подрастала, и Людмила Викторовна теперь периодически «устраивала концерты» по телефону (Маринкино выражение).

– Нет, ты представь?, – сквозь рыдания, с красным носом

и мокрым лицом, кричала Маринка мужу, – Что за человек такой?.. А?..

Обалдевший Лёха удивлённо мыл руки и пытался всё перевести в шутку, наперёд зная, «что опять стряслось».

– Что за человек такой?!.., – зло плакала жена, – вечно позвонит, скандал на пустом месте устроит и трубку швыряет!.. Довольная. «Поговорила Марина с мамой»!..

– Чё стряслось-то у вас опять?..

И Маринка, зло шмыгая носом, чуть не кричит:

– Задолбала, ей-богу!..

– Не говори так про мать!, – тихо, но твёрдо молвит Лёха, хмурясь для порядка, – не хорошо так!..

– Да задолбала она!.. За! Дол! Ба!. Ла!!.., – рыдает та, и рассказывает очередной «концерт».

А концерта-то особого и нет. И рассказывать не о чем!.. Действительно, из самой пустоты, из воздуха выдулся пузырь и лопнул, забрызгав всех липкой патокой.

Придерживаясь правил хорошего тона, Людмила Викторовна звонит стабильно два раза в день, спрашивает, кушала ли дочь, да как внучка, и потом даёт несколько советов и торопливо прощается, «Чтобы особо не тревожить», передавая всем приветы и желая всем-привсем счастья...

Маринка – девочка хорошая, всегда терпеливо выслушивала мать, виновато улыбаясь и подмигивая Лёхе, ждущего ужина. Но всё чаще уже разговоры эти становились для Маринки в тягость. Одни и те же вопросы и причём ответов

на них абсолютно не слушают:

– Ой, я вчера полдня в «Ленте» проторчала!.. Оторваться невозможно!.. Ха-ха-ха!.., – смеётся над собой Людмила Викторовна, – и то надо посмотреть, и это!.. Не-воз-можно, Марин!.. Невозможно!.. Шопоголик я прямо, ей-богу!!.. Кофточку себе присмотрела – прелесть кофточка!.. Жёлтая, с люриksom... А какой я гамак видела чудесный!.. Обзавидовалась прямо!.. А цена!.. Представляешь – тряпка метр на метр, а почти десять тысяч!.. Леночка-то не болеет?, – спрашивает она вдруг тревожно.

– Да она... не пра..., – не успевает ответить Маринка.

– Ой!.. А какой комод я в «Костораме» видела!.. Прелесть, а не комод!.. Вот представь: четыре секции, две средние дверцы стеклянные, непрозрачные, как я люблю, а столешница... знаешь, вот, помнишь, у нас гарнитур был, такой бежевенький?.. Помнишь, ещё у бабушки Тони (голос начинает дрожать, и Людмила Викторовна сглатывает слёзы, дребезжа словами) Как там она моя роднучка?.. Мамочка моя миленькая... В могилке одна... Одна-одинёшенька...

У Маринки краснеет нос и в глазах наливаются слёзы:

– Мам... Ну что ты, ей-богу... Изводишь себя так?.. Ну, не надо, мам?.., – тоже сглатывает, начиная шмыгать носом.

– ... роднучка моя милая..., – заливается слезами Людмила Викторовна, – и холодно ей там, и страшно совсем одной в могилочке...

Маринка долго смотрит в окно, слёзы текут по горячим

сухим щекам. Лёха бесшумно уходит в ванную.

– ... вот так и я помру скоро, и никто на могилку-то не придёт..., – подвывает Людмила Викторовна, и Маринка начинает закипать, ругая по-доброму, чуть не крича сквозь слёзы:

– Да что такое говоришь, мам!?!.. Ну зачем ты...

– ... и скорей бы уже отмучиться-то...

– Тфу!..., – Маринка швыряет трубку и ревет в голос, закрывая лицо руками.

Лёха хмуро выходит из ванной, со смешком укоризненно ворчит, обнимая жену:

– Ну, молодцы-ы!.. «Поговорили!».. Ну, какого чёрта тут у вас опять?..

– Что за человек?!..., – зло всхлипывает Маринка, отстраняясь. Слёзы горячие, солёные, обиды высказывает накопившиеся, – С ума она сошла, что ли?..

– Не говори так про мать...

– Да как «не говори»?!.. Как?!.. Задолбала!..

И Маринка рассказывает, что Людмила Викторовна в разговорах изнуряет её бесконечными обвинениями в Лёхин адрес. Теперь уже Лёха отстраняется, удивлённо задирая брови:

– Я думал – успокоилась... Мы ж и не общаемся практически... «Здрасти – здрасти...» И всё... Чё опять не так?..

И Маринка хмурится, перебивая:

– Да откуда я знаю, чё у неё опять не так?.. Звонит мне

и говорит – «скажи ему так и так!»...

– «Как»? – смеётся Лёха.

– Да хрен её знает, «как»!.. Всякую чушь мелет и сама же обижается!.. Говорит – мы её дурой считаем!..

– Не говори так...

– ... И вроде бы ни чего такого не говорит, а через пять минут уже ругаемся, как собаки!..

Звонит телефон и Маринка испуганно подпрыгивает, делает гримасы, испуганно жестикулируя, быстрым шёпотом кричит:

– Если это она – скажи, что меня нету!..

И убегает в другую комнату.

Сплюнув в сердцах, Лёха поднимает трубку:

– Да.

Помолчали. Положили.

И, казалось бы, как и любой конфликт – он имеет начало, основную программу и логическое окончание. Ан, нет!.. Ни конца, ни края, ни логики не видел Алексей, всё глубже погружаясь в непонимание: что делать-то? Как поступить?.. Ведь всё совершенно ясно и просто! Если у вас, к примеру, в семье что-то кого-то не устраивает и дебаты по этому поводу уже плавно переходили в стадии мордобоев с визгами – то уже, кажется, что конфликт обозначен на какой-то претензии и кое-кому уже пора делать выводы. И Алексей старательно искал выход, что бы сделать хоть какой вывод. И не находил его. Ужасным было поведение Маринки. Все-

гда ласковая, нежная и чистенькая в душе, Маринка вдруг проявила в себе неожиданные для Алексея качества. И если раньше между матерью и дочерью велись тайные переговоры, нацеленные против непосредственно Алексея, то теперь Алексею всё сложнее и сложнее в очередной раз удавалось усмирить разъярённую супругу. Мариночка – которую раньше можно было довести до слёз неосторожным грубым словом, превращалась в холодную и жестокую фурию, совершенно не жалеющую собственную мать. Нет, до драк, конечно не доходило, но бывало, Алексей с удивлением слушал, как она разговаривает по телефону. Сухо, холодно, с еле заметным презрением. «Да. Нет. Пока. Угу, пока, мамульчик.» А потом зло передразнивает мать:

– ...«Что вы не приходите, Мариночка?», говорит. Да как же к тебе прийти?.. Да и зачем? Ребёнка месяцами не видит! «Бабушка!».. Какую-то хрень по телефону тарыхтит, слушать противно. Я говорю у Леночки утренник в садике сегодня будет, а она мне про «классный чайник в «Ленте»...

Периодически Людмила Викторовна «забегала на минуточку»... Это были тягостные минуты. Запыхавшаяся, уставшая, полные сумки «гостинцев», с порога она щебечет, что «буквально на минуточку!», и не раздеваясь, прямо в коридоре полчаса может просидеть на пуфике в шапке и пальто, сняв один сапог «чтобы чуть-чуть нога успокоилась». И первое время Лёха тщетно поругивался по-свойски:

– Заходите!.. Как хорошо, что забежали!.. У нас, как раз

все дома!.. Заходите-заходите!.. Марин, чайник поставь!..

– Не-не-не-не-не-не!... Я на минуточку!.. Не-не-не-не!..., – Людмила Викторовна не даёт снять с себя пальто, с трудом переводя дух, потирая окоченевшие от десятка пакетов руки, – Вот, Марин, осторожно!.. Там банка с огурцами и свининки немножко я вам взяла!.. Хорошая свининка. А вот Леночке, посмотри, маечка. Посмотри – если мала, я поменяю, у меня чек сохранился!..

И посидев минуту, мучительно натягивает сапог на измученную ногу, отбиваясь от Маринки:

– Не-не-не, Марин!.. Пойду я!.. Ты что?.. Чё я буду тут рассиживаться?.. Побегу...

...Когда тёща уходила, Лёха беззлобно ругал жену:

– Чё ты её отпустила?.. Ещё спрашиваешь: «Будешь чай?» Чё спрашиваешь-то?.. За шкурку её, и на диван, вон... Пусть отдохнёт!.. Ленка, вон, проснулась, а бабушка смылась уже... Чё за фигня?.. В кои веки пришла!..

И Мариночка злилась на себя и следующий раз пыталась настойчивее затащить мать в квартиру, и было ещё хуже:

– Не-не, Марин!.. Ты что?... (а Маринка строго брови сдвигает и воинственно забирает у матери пальто), – ну, ладно, на секундочку я только... Капельку посижу и побегу...

И не снимая шапки, с накинутым на плечи пальто, Людмила Викторовна садилась на краешек стула, и Лёха молниеносно мазал бутерброды, наливал кофе, вытаскивал из холодильника мясной салат и, игнорируя «не-не-не...», делал

всем порции, и, показывая пример, весело ел сам. А Людмила Викторовна делала пару глоточков, отщипывала от хлеба крошку, а потом отрезала это место ножом, показывая Марине – «вот, почти не заметно!», и Маринка начинала краснеть, а следующий раз Маринка уже просто молчала, наблюдая за этой комедией.

Лёха злился:

– Шо за дурдом у вас тут творится?..

А Маринка, уже не плачущая, тихо и зло раздувала ноздри, цедя сквозь зубы:

– Да дура она... Чё, не видишь?..

Лёха хмурился и получал очередное откровение.

Как-то Людмила Викторовна позвала Маринку с Леночкой «прогуляться по магазинам, посмотреть чё-нибудь». Марина очень переживала разрыв с матерью и с готовностью согласилась, планируя в уме посещение детской кафешки.

– Представляешь... Ей ни в коем случае нельзя доверять ребёнку!, – зло и задумчиво щурится, – Ни в коем!..

Лёха, уже ни чему не удивляющийся, молча ждёт.

– Всю дорогу суёт то шоколадку, то яблочко... И щебечет, щебечет... Кошмар какой-то...

– Ну, соскучилась, чё ты?..

– Нет, Лёш... Она опасная...

...Когда уже прогуливались по парку, возле дома, трёхлетняя Леночка подняла с тротуара прутик.

– Брось!.. Ты что?.. Брось сейчас же!.., – кинулась к ней

бабушка.

А прутик удобный, толстенький, сухой.

– Брось!.. Он грязный!..

Мариночка молча улыбается, смотрит, как Людмила Викторовна «воюет» с внучкой. Лена прячет прутик за спину «у-у!», не хочет отдать.

– Брось, я сказала!.. Фу, какой грязный!.. Фу, какой противный!.., – заливается смехом Людмила Викторовна, волчком крутясь вокруг девочки. Изловчилась, схватила прутик, тянет на себя. Лена нахмурила бровки, но улыбается, не отдаёт, крепко держит свой конец обеими ручками.

– Брось, говорю!, – весело кричит Людмила Викторовна и резким движением вырывает прутик, раздирая ребёнку ладони, ломает прутик пополам и закидывает его высоко в густую крону ёлки.

– Мам!.. Да зачем же ты?.., – перепуганная Маринка садится перед орущей от обиды и боли Леночки.

– Не послушная!.. Не хорошая девочка!.., – кукольным голосом строго грозит пальчиком бабушка, – Ай-я-яй!.. Как нехорошо бабушку не слушаться!.. Ай-я-яй!..

... – Представляешь?, – Маринка смотрит на Лёху снизу огромными глазами. Лёха косится на спящую в кровати дочку, только сейчас заметив, что у неё ладошки в «зелёнке»...

...А Маринка совсем сбесилась. Лёха уже и не узнаёт её. Такая лапка, такая пипочка была, а сейчас посмотри – мегера

злющая. Одни разговоры – про Людмилу Викторовну. Лёха уже и ворчать престал, смысла никакого. Как только Маринка мать не костерит:

– Нет, ты посмотри, что за человек такой!, – не в силах сдержаться, Маринка швыряет тарелку в раковину, – Слушай, она с ума меня сведёт!

Алексею уже не смешно. Он уже строго ругается:

– Чего ты прицепилась к ней?.. Больше поговорить не о чем?!..

А сам понимает, что кривит душой: только и думает с утра до вечера о Людмиле Викторовне!.. И ведь странное дело: проблемы-то особой нет – порядочная, положительная женщина. Ни пьёт, чистоплотная, живи и радуйся!.. А смотришь на неё и хмуришься.

– А ведь она всегда такой была... – Маринка мрачно и зло размышляет, раздувая ноздри, – я ведь помню – всё детство она меня к деду с бабой спихивала...

Протирает тарелки Мариночка так, словно мстит кому-то:

– Сколько помню себя – всё детство я у бабы Тони... А один раз мы уроки учили...

Опять краснеет, останавливается, замирает...

...Классе в третьем Маринка была. Жили они на съёмной квартире. Лето, радио орёт что-то весёлое, Маринка уроки учит, а Людмила Викторовна полы моет. И надо ж такому случиться – по жаре она, как правило, совсем голая по квартире шастала. В одних трусах, а то и вообще – полотенцем

обернувшись. И вот Маринка уроки учит, а молодая Людмила тридцати лет нагнулась пополам, нижним бюстом своим перед Маринкиным носом, и под столом что-то намывает. Маринка примолкла, впервые в жизни так близко перед собой увидев женские подробности. А Людмила выпрямляется, красная от натуги, замечает дочкину неловкость и бьёт её по щеке:

– Ах, ты ж дрянь какая!.. Ты куда это смотришь?!... – и ещё пару раз наотмашь, – Ты куда это смотришь, мерзавка!?..

... – Знаешь, как мне обидно было?, – Маринка так бледно и жалостно собирает брови в «домик», что Лёха и не думает улыбнуться, – Я ведь любила её... Я и не думала подсматривать... Мне было-то лет десять...

И Маринка вздыхает зло и вспоминает всё новые обиды: – Приведёт меня к бабушке, говорит: «я сейчас в магазин схожу. Чего тебе купить?» Я как дура радуюсь, говорю – мороженное принеси, мам! А она говорит – хорошо. А у самой билет и чемодан собран... А я сижу у окошка и жду... А она уже в поезде... То в Ялту уедет... То ещё куда...

...Лёха понимает, что Маринке надо выговориться, что в обиду он её ни даст. А так же понимает, что надо что-то делать... Ведь – мать. И никуда не денешься. И вздыхает, вспоминая, как Маринка недавно болела и Людмила Викторовна «взяла всё в свои руки»...

...Дома тягостно. Когда болеет кто, всегда невесело. И Лё-

ха тихонько входит после работы, а его не встречают, и Лёха знает, что Маринка лежит четвёртый день с температурой – мастит, грудь простудила. А тёща бегаёт с кухни на кухню, то воду несёт, то полотенце мокрое. Лечит. Зная потрясающее количество способов лечения мастита, Людмила Викторовна взялась за все их сразу. Маринке для начала обложили опухшую и раскалённую воспалением грудь капустными листьями, туго перетянув её простынёю, чтобы «сжечь молоко». Сверху этого на грудь наложили ткань, обильно пропитанную Маринкиной мочой (верное средство – Людмила Викторовна где-то вычитала), и каждые полчаса орущую от боли Маринку растирают скипидаром и дают выпить отвар жженой газеты, отчего Маринка рыгает и желтеет. Лёха в эти дела не лезет, совершенно не соображая в маститах, да и лезть бесполезно. Мечущаяся из кухни на кухню, бледная от горя Людмила Викторовна на осторожные вопросы сначала просто не отвечает, а потом гневно кричит что-то невнятное и нецензурное. Лёхины идиотские потуги на тему «может «Скорую» надо?...», Людмила Викторовна встречает резкими визгливыми восклицаниями «да какая там, блядь, ещё «Скорая»? ... Ты издеваешься, что ли?! Смешно тебе, да?!».. Через двое суток, когда Маринка уже бредила и температура зашла за 42 градуса, Лёха, словно под гипнозом позвонил «02», и Маринку срочно забрали, а приехавший врач зло шипел, хлопая дверью:

– Вы тут совсем дебилы, что ли?.. Вы до чего девчонку

довели?.. Убить её хотите?..

И Маринке резали обе груди и через неделю она вернулась домой, постаревшая лет на десять, а Людмила Викторовна рыдала над её кроватью, заламывая руки, невольно выкрикивая, чтобы Алексею слышно было с кухни:

– Если нет любви – так и не жалеЙ!.. Брось его к чёртовой матери!.. И с ребёнком тебя прокормлю!.. Найдёшь ещё нормального мужика!..

А Маринка смотрела на неё с ужасом.

...И Лёха, упрямый, как стадо бизонов, часто качал головой, погружаясь в раздумья. Привыкший мотивировать при решении проблемы, он знал, что любая задача решаема, если тщательно всё взвесить и хорошенько обдумать. А тут каждый его довод неминуемо разбивался об очередную чертовщину, что и вслух произнести противно. И в который раз уже он ругал себя, что, мол, ёлки-палки, что за проблема вообще?.. Глупая несчастная женщина, многие годы живёт без мужа, да и ни такая уж она и плохая: посмотри – и разумно рассуждает, и алкоголь на дух не переносит, приходит всё время с кучей продуктов и говорит всё так правильно... В чём проблема-то?.. Тёща, как тёща... А Маринка всё глубже замыкается, стала злой, мстительной. И вообще, Алексей хмуро отмечает в последнее время, что таких «порядков» у себя дома он и не планировал!.. Всё замешано на кривлянии, на вечном подтексте. И за собой он замечает новые мерзкие привычки... В дверь постучат, и они с Маринкой

на цыпочках бегают, палец к губам прикладывают, ругаясь шопотом. Ей-богу, дурдом какой-то!.. Врать заставляет его по телефону: «Скажи, что меня нету!»..

Неприятный осадок остался после дня рождения тёщи. Особые планы имели на этот юбилей и Лёха и Маринка. Алексей собрался решительно поставить все точки над «и», во что бы то ни стало и на любых условиях примириться с Людмилой Викторовной, понять, наконец, что же требуется от него, да и Маринке надоело уже ругаться с матерью, и как хорошо и волнительно она говорила в тот день первый тост:

– Милая моя мамочка!.. От всей души поздравляю тебя с днём рождения!.. Будь всегда здоровой и живи долго!.. И прости меня, дурную твою дочь (голос задрожал, и слёзы брызнули, но Марина продолжила твёрдо, с трудом удерживая дыхание), за то что ругаюсь с тобой... Прости, моя хорошая!.. Совсем я обнаглела уже... Знай, мамульчик – я тебя очень-очень люблю!.. Очень-очень!.. Прости меня, любимая мамочка!.. Дай бог тебе здоровья и долгих лет жизни!..

Не ожидавший такого тоста, Алексей захлопал в ладоши и все даже встали, взволнованные дрожащим Маринкиным голосом, закричали смущённо, зачокались бокалами.

Людмила Викторовна расцеловалась с дочерью во всеобщей суете, стараясь не пачкать её помадой:

– Спасибо, моя хорошая!.. Спасибо, роднулечка моя!.. Хоть и понимаю, что не от души ты говоришь, а всё-равно

приятно.

Во всеобщей сумятице кто-то смеялся, кто-то гремел посудой, и слова эти улетели в потолок. А через несколько минут Лёха украдкой подсмотрел, как Маринка незаметно ушла на кухню и, скрестив руки, смотрит в окно, на падающий за окном снег. А Людмила Викторовна, суется перед гостями, «случайно» заметила её, и теперь обнимает её сзади за плечи, успокаивая, тихо подзадоривая, словно ребёнка:

– Ну ты что?.. Обиделась, что ли?.. Ну что ты, зайка?.. Ну, перестань!..

А Маринка каменеет, бледнея, не даёт разжать скрещенные руки, еле слышно цедя сквозь белые губы:

– Уходи, мам... Уходи...

– Ну, что ты как маленькая?.. На правду не нужно обижаться!.. Господь-Христос всё видит!.. Всё знает!, – и опять быстрые зигзаги и шёпот.

...Вот и теперь, присев на краешек Маринкиной кровати, она так же щебечет ласково и горестно:

– Кровиночка моя... Роднулечка моя!.. Да как же ты так?..

Медленно и скорбно наклоняется она над дочерью и целует ту в щёку, стараясь не испачкать помадой, а Маринка вытягивается струной, максимально отворачивая лицо, не мигая смотрит в одну точку, задержав дыхание.

– ... Доченька моя... Роднулечка ты моя... Да как же так всё получилось-то?..., – всхлипывает Людмила Викторовна, комкая в ладони мокрый платочек, гладит Маринку по го-

лове, по плечу, убаюкивает и успокаивает, – Ты не плачь, моя хорошая, не плачь!.. Бог терпел и нам велел!..

Маринка, не поворачиваясь, цокает языком, говорит твёрдо, со вздохом:

– Да не плачу я, мам!.. Чё мне плакать-то?.. Ты...

– Не плачь, моя горемычная... Не убивайся так, лапушка моя... Видно на роду у нас с тобой так написано...

– Да м-мама!.., – Маринка с трудом сдерживается, плечом отталкивая руку Людмилы Викторовны, – ну чего ты опять?..

– Не плачь, моя хорошая...

– Да кто плачет, господи ты мой?!.. Мам!.. Ну чего ты опять себя накручиваешь?..

Всё это время Лёха сидит на кухне, в тишине слушая причитания, и теперь он решительно входит в комнату, нахлобучив на рожу весёлое выражение, говорит мягко, но уверенно:

– Людмила Викторовна!.. Ну что вы, правда, так убиваетесь?.. Ни чего страш...

– Никогда!!, – неожиданно резко кричит Людмила Викторовна, вскакивая, – Никогда я тебе этого не прощу!.. Подлец!.. Ох и подлец!..

Леночка в кровати проснулась и заплакала, Лёха бледнеет, машинально поднимая руки перед грудью, потому что Людмила Викторовна, красная и растрёпанная от гнева, извиваясь от крика, машет перед его лицом руками, брызгая слюной и слезами:

– Никогда я тебе этого не прощу!.. Будь ты проклят!.. Под-

лец!.. До чего дочку мою довёл!.. Будь ты проклят!.. Будь проклят во веки веков!!!!...

Пробежав мимо остолбеневшего зятя, Людмила Викторовна хватает внучку на руки и начинает неистово качать ребёнка. Леночка орёт громче.

– Будь ты проклят, подлец!.. Будь проклят!..

Совершенно обалдевший Лёха разводит руками, ни чего не понимая:

– Люд.. ми...

– Будь ты проклят!.. Сволочь!.. Сволочь!.., – Людмила Викторовна кричит так громко, что давится своим же криком и закашливается. Прыгая на месте с ребёнком в руках, она торопливо целует внучку несколько раз, ускоряя темп:

– Не плачь, моя роднулечка!.. Не плачь!.. Ай-люли!.. Где бутылочка, Марин?.. Сволочь какая!.. Ты смотри, сволочь какая!..

Маринка с трудом встаёт, сгорбившись, не сводя глаз с ребёнка, подходит, качаясь:

– Дай, мам.. Дай..., – говорит осторожно, просительно.

Людмила Викторовна отдаёт истошно орущую малышку, не переставая злобно кричать на Лёху:

– Ох и подлец!.. Ох и сволочь же ты!!..

Лёха задыхается от удивления и опять уходит на кухню, откуда слышит громогласное:

– Не ты первая, Мариша, не ты последняя!.. Разводись к чёр-ртовой матери, и весь мой тебе материнский сказ!.. Ты

смотри, какая сволочь-то!.. Ай-ляли-ай-люли!.. Ай-ляли-ай-люли!.. У-ти мусик мой!..

... Через час Людмила Викторовна ушла.

Леночка уснула и Маринка тихо пришла на кухню, держась за стеночку. Потрясённый Лёха, совершенно потеряв прежнюю решительность, тихо оправдывается, виновато шепчет:

– Да чего я натворил-то?.. Марин?..

А больная Маринка, мучительно глотая воду, облизывает горячие шершавые губы, говорит спокойно:

– Да ни чё ты не натворил... Она и отцу так кричала всё-время...

И Лёха смотрит, как жена с трудом поворачивается и уходит по коридору, с трудом сохраняя равновесие...

... За месяц до родов, почему-то вспоминает Алексей, тёща решительно заявила:

– Внучку я назову Виолой!..

Лёха не показал, что удивился, деликатно спрашивает:

– У вас из родственников кого-то Виолой зовут?..

Тёща посмотрела строго:

– Нет. А что?.. Просто красивое имя. Не нравится, что ли?..

– Да нравится... Почему же?.. Но..., – оправдывался Лёха и не находил слов.

А потом Лёха мягко улыбался и объяснял целую неделю, что «Леной» звали его любимую бабушку, и всё-такое, и что

он не против, если ребёнка назовут именем какой-нибудь Маринкиной бабушки...

А Людмила Викторовна уходила от разговора, поджимала губы и смотрела странно, что и не понять было: обиделась она, что ли?..

... – Нет, Марин... Это же что-то... Удивительное...

Пока дочка спит, Лёха с Маринкой прикрыли дверь на кухне, чай пьют, сплетничают. Заговорщики хреновы!.. Перебивая друг друга, супруги занимаются самым мерзким делом, которое придумало человечество – обсуждают-судят родителей!.. Оба понимают, что дело это гадкое, и Бог накажет их за это, обязательно накажет, а чай прихлёбывают, друг-другу поддакивают, гадости злорадные говорят про пожилую женщину. Свиньи, а ни дети!.. И Лёха узнаёт от жены кучу новых подробностей, не успевая удивляться:

– Сюда переехали, мне лет пятнадцать было, – Маринке сегодня получше, сидит злая, но ест с аппетитом, – представляешь, мама от отца втихаря все деньги от проданной квартиры разделила на четыре части... Мы тогда комнату снимали... Так она одну часть положила в «Хапёр-инвест» (Лёха беззвучно ахнул и замер с кружкой в руке), – Вторую часть в «МММ» (Лёха замотал головой – «не может быть!»), а Маринка, не сбавляя темпа, злорадно продолжает), – Третью часть в «Торговый дом Селенга»... Представляешь?..

Короче говоря, деньги от проданной квартиры Людмила Викторовна выбросила на ветер и Маринкин отец ещё

долгие годы по науськиванию жены ходил по судам, шумел в толпах-пикетах таких же как и он дураков.

– Домой отец приходит с квадратными глазами, весь чёрный... Работы нет... Денег нет... А она давай пилить его, проклинать...

Отец ушёл от них за год до Маринкиной с Лёхой свадьбы. Тестя Лёха видел только на фотографиях. Невысокий, смуглый, улыбка добрая. И Лёха, уверенный, что уже ни чем его не удивишь, опять задирает брови, замирая от неожиданных подробностей:

– Сколько помню себя – отец всё время: «Люсь, да ладно тебе!.. Люсь!..», а она ему матом в ответ кричит... А тут я сижу – слушаю, а он не знает, куда деваться от моих глаз...

Лёха длинно вздыхает от такой свалившейся напасти, головой качает:

– Надо чё-то делать, Мариш... Не может же так всё время продолжаться...

А Маринка зло хмурится и добивает:

– Ничего ты не сделаешь – это человек такой. Она и бабу Тоню в гроб загнала...

И Лёха полночи ворочается, вспоминая, как Людмила Викторовна, румяная с мороза, улыбается на пороге, вся в снежинках и уличной свежести:

– А я мимо прохожу, думаю – забегу на секундочку!.. Вот, Мариночка, возьми, тут пицца и яблочки!.. Не-не-не-не!.. Я на секундочку!.. Не-не-не-не!.. Побегу!.. Не-не!.. А Леночка

как?..

Лёха голопом бежит в детскую комнату, тащит дочку на руках:

– А вот бабушка пришла!..

– Да ты моя рыбонька!.., – Людмила Викторовна бросает сумки, апельсины катятся по полу, – Да ты моя роднучка!.. Иди к бабушке!.. Ой, как я соскучилась!..

Леночка выставляет вперёд ручки, не даёт прижать себя. Людмила Викторовна настойчиво борет сопротивление, с силой обнимает, счастливо заливаясь:

– Ой, ты ж моё золотце!.. Ах, ты ж моя сладенькая!.. Соскучилась по бабушке?.. Соскучилась?.. Скажи – соскучилась?..

Все замирают, ждут ответа.

– Скажи – соскучилась по бабушке?

Леночка смотрит в пол:

– Нет.

Людмила Викторовна потешно «пугается», заливаясь смехом:

– Как «нет»?.. Не соскучилась по бабушке, что ли?.. Рыбонька моя?.. Не соскучилась?..

Лёха неловко переминается с ноги на ногу:

– Да она ещё не проснулась, Лю...

– Не соскучилась, говоришь?.., – перебивает бабушка, – Леночка?.. Не соскучилась, скажи?..

Светясь улыбкой, бабушка приближает лицо к Леночке,

не отстаёт:

– Соскучилась или нет, скажи моя хорошая?..

Опять неловкая пауза и ребёнок краснеет, ещё ниже опускающая голову и плечи:

– Нет...

– Ах, ты ж какая хулиганочка!.., – заливается смехом бабушка, распрямляясь вся красная, смотрит на Лёху и Маринку, – Ах, ведь какая проказница!.. Ха-ха-ха!.. «Не соскучилась по бабушке», говорит!.. Ха-ха-ха!.. Ох! Проказница!..

Людмила Викторовна пританцовывает, смеётся, в шутку грозит пальчиком:

– Вот какая Леночка у нас нехорошая!.. Не любит бабушку!.. Ой, сейчас заплачет бабушка!.. Ой, сейчас заплачет и уйдёт бабушка, раз её Леночка не любит!..

Лёха с Маринкой тихо смеются, подыгрывая, не зная, куда девать глаза. А Людмила Викторовна не успокаивается, заливаясь колокольчиком, и на неё невозможно смотреть. Присев на корточки, она опять прижимает упирающуюся внучку к себе, целует звонко в обе щёки:

– Мму!.. Ммму!.. Ой какая нехорошая у нас Леночка!.. Уйдёт сейчас бабушка!.. Ох, уйдёт и больше не придёт!.. Хочешь, чтобы бабушка ушла?.. Хочешь?.. Ха-ха-ха!.. Скажи – хочешь, чтобы ушла бабушка?..

После звенящей секундной паузы, ребёнок еле слышно, но упрямо говорит:

– Уходи...

– Ай, какая нехорошая Леночка!.. Ай, как обижает бабушку!, – резко распрямляется Людмила Викторовна и смеётся озорно и заразительно, а в глазах...

И потом они долго прощаются и Людмила Викторовна взволнованно объясняет, что надо всем-привсем только счастья и добра желать, а Маринка, словно во сне, кивает бумажной улыбкой, и Лёха вздыхает и после ухода бабушки в коридоре долго горит свет, но никто его не выключает: Маринка стоит у окна на кухне, а Лёха стоит сзади в метре от жены, всё ещё улыбаясь с задранными на лоб бровями...

Упрямый Лёха. Как осёл. Чего доказать хочет – не понятно. Сколько раз уже они с Маринкой, насплетничавшись, как две старухи, решительно машут рукой: «Всё!.. Хватит об этом!.. Сколько можно-то?.. Бр-р, как неприятно!..», а всё равно всякий раз возвращаются к одной и той же теме... Наваждение какое-то!.. Поговорить больше не о чем!.. Погружённые в свои мысли, делают вид, что, мол «как на работе, Лёш?», и через пять минут опять про Людмилу Викторовну!.. И ведь не смешно уже совсем!.. Лёха говорит:

– Слушай, это уже просто дурдом какой-то... (слово «дурдом» теперь у него всё время на языке!) Не могу успокоиться и всё!.. Вроди и забуду на минуту, а телефон зазвонит и я машинально представляю, как буду кривляться сейчас перед... ней.

А Людмила Викторовна непредсказуема до того, что держит в постоянном напряжении. После тех проклятий через

пару часов уже звонит, как ни в чём не бывало:

– Приветик!.. Как вы там?.. Чё трубку не берёте?

– Здр... Как «не берём»?.. Берём!.. Здравствуйте... Ещё раз. Вы изви...

– А я звоню, слышу – опять трубку не берут!.. Ха-ха-ха!..

Ну-у, думаю, всё!.. Теперь вообще перестанут с матерью общаться!..

– Да нет, вы что?.. Мы...

– А это – грех, на мать обижаться, Лёша!.. Любая мать тебе это скажет. Мать от сердца говорит. Всё от сердца!.. Так что и не вздумайте обиду держать какую... Господь всё видит!..

Выждав паузу, Лёха поддакивает:

– Да-да, конечно!.. Я же понима...

– Мариночка как там?.. Спит?..

Лёха смотрит, как жена испуганно машет руками, хмурится и кивает:

– Да... Уснула... Ей врач ещё пропис...

– Ну и пусть поспит, лапушка моя!.. Пусть поспит... Умаялась за день-то, небось. Пусть поспит. Может успокоится хоть немного!.. Совсем у неё нервы расшатались после свадьбы-то... Смотрю на неё и не узнаю прямо... Совсем изменилась кровинушка моя... Пустырник ей попить надо. Пустырник заваривайте и пусть пьёт, нервы полечит... А то совсем уже на мать кидается (голос начинает дребезжать). Совсем уже с ума сошла, деточка моя ненаглядная!.. Роднучеч-

ка моя горемычная...

Лёха надувает щёки, выпучивая глаза, длинно выпускает воздух из лёгких, прикрыв ладонью трубку. Марина, увидев это, презрительно скалится, жестом спрашивает: «Опять?»

Лёха прижимает ладонь ко лбу, беззвучно кивая. «Угу!»...

– ... И ведь что я такого сделала-то?, – причитает в трубку Людмила Викторовна, – чем прогневила Господа-бога?.. За что мне такие страдания на старости лет-то?.. За что мне так?!

Лёха, скосив в кучку вытаращенные глаза, опять натужно выпускает выдох, качая головой.

– В чём провинилась я перед Христом-Господом?.., – плачет Людмила Викторовна, и у Лёхи вдруг закрадывается совершенно нелепая догадка.

Изумившись невольной фантазией, он даже поднял указательный палец Маринке: «Тихо!», и прислушался внимательно... Ну, да!.. Совершенно отчётливо стало слышно, что Людмила Викторовна, плача в трубку, прикрывает её ладонью!.. Лёха обалдел на секунду и послал недоумённый взгляд Маринке. Тёща давно уже живёт одна. Гостей дома не терпит, с соседями дружбы не водит. Зачем она трубку прикрывает ладонью?..

– ... Видно на роду мне написано принять долю свою такую проклятую..., – всхлипывает Людмила Викторовна и вдруг совершенно спокойным голосом говорит кому-то

в сторону, – Кафель не пачкайте, пожалуйста!.. Нет, вы пачкаете!.. Пачкаете вы!.. Что я, не вижу, что ли?..

И Лёха рядом слышит бубнящий оправдывающийся голос мужика, а Людмила Викторовна строго добавляет:

– Одно лечите, другое калечите!.. Так и я могу кран крутить!.. Осторожнее, пожалуйста!..

«У неё сантехник работает!», – осенило Лёху.

А Людмила Викторовна опять заёрзала трубкой, настроилась:

– ... Видно так и плакать мне теперь, пока не помру...

... Через полчаса потрясённый Лёха на кухне пересказывал слово в слово разговор, восхищённо тараща глаза:

– Нет, ты представляешь!?..

Маринка злорадно щурится:

– Я же говорила тебе – это бесполезно всё... Бесполезно!.. Она всегда такая. В школу придёт и большим голосом клянчит у учительницы: «Вы уж поставьте Мариночке пятёрочку за четверть, пожалуйста, Христом-богом прошу вас... Всю зиму она проболела у меня... Всю зиму...» А я не знаю, куда от стыда деваться. А учительница потом смотрит на меня, как на дуру: «Когда это ты болела, Марин?.. Вроде бы ни одного урока у тебя за зиму не пропущено... Что-то я не помню...» Стыдобища, ужас...

Лёха хохотал с удовольствием, откидываясь на спинку стула, не переставая удивляться, а Маринка кулачком грозит:

– Тише ты!.. Ленку разбудишь, дурак!.., – и прикрыв беззвучно дверь, продолжает, – А потом дома меня дождётся и материт училку на чём свет стоит...

– Обалдеть... , – ничего уже, кроме восторга, у Лёхи на лице не было, – обалдеть можно... И чё делать-то?.. Она же!.. Обалде-е-еть...

...И вот уже Лёха поражается сам себе, наблюдая как-бы со стороны за своими мыслями и выводами, и если раньше, бывало, он раздражённо гнал от себя такие подленькие и трусливые фантазии, то теперь он удивляется сам себе, замечая, что так же, как и Маринка, стал совсем другим, и открывает теперь в себе новые и непривычные качества. В который раз уже, засыпая и просыпаясь с тётшей перед глазами, Алексей решительно выдыхает в голове: «Всё!.. Какого чёрта?.. Завтра же скажу: «Так, мол, и так, Людмила Викторовна!.. Вы чего такой хреню занимаетесь?..» И Алексей видел застывшую в испуге тётшу и продолжал с каменным лицом, но мягко, по-доброму: «Я очень настойчиво вынужден вас попросить...», и дальше формировал длинную и правильную речь, объясняя, что, мол, «вы всегда были и будете для нас очень родным человеком,.. и, мол, мы очень любим вас... и переживаем...», и варианты этой речи оттачивались, и становились всё лучше, и единственное затруднение, как правило, появлялось после слов «тем не менее...» В который раз на этом месте Лёха спотыкался, каждый раз предлагая и отвергая самому себе варианты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.